Два полцарства

Автор:
Тальяна Орлова

Два полцарства

Тальяна Орлова

Жутко горячие властные пластилинчики

Меня похитили, приняв за другую. Сколько ненависти, сколько желания отомстить сразу у двух мужчин – и никак не объяснишь, что произошла ошибка. Я не дочь богатого бизнесмена и криминального авторитета, я всего лишь работала в его доме!

Внимание! Содержит ненормативную лексику!

Тальяна Орлова

Два полцарства

Глава 1

– Сашка! Саш, да где ты?

От немного визгливого крика, долетевшего до меня через два этажа, я устало поморщилась и откинула тряпку.

– Иду, иду, – ответила тихо, абсолютно уверенная, что девушка меня расслышать не могла. Так и плелась вверх по лестнице, приговаривая: – Иду, иду. Мне же больше нечем заняться, кроме как туда-сюда ходить.

На самом деле я немного преувеличила степень моего раздражения, ведь жаловаться мне было не на что. Почти год я работала на эту семью уборщицей, а по-новомодному – горничной. И весь год считала, как сильно мне с работодателями повезло. Приехала я в Москву из Тулы, а вот поступить в институт на бюджетное место не удалось. Собиралась возвратиться в родные края и попытать счастья через год, но так кстати подвернулась вакансия – убираться в особняке на Рублевке. Нанял меня Виктор Петрович Камелин и уже через два месяца назначил такую зарплату, что все мои финансовые проблемы уладились, словно их отродясь не водилось. С тех пор я могла откладывать деньги и теперь потянула бы в институте даже коммерческое место, осталось только подождать несколько месяцев до нового набора.

Сам Виктор Петрович казался мне мужчиной замкнутым и довольно строгим. Он никогда меня или кого-то еще на моих глазах не хвалил. Просто если был доволен – молча выписывал чек. Исходя из того, что я такие чеки, помимо оговоренной зарплаты, получала нередко, можно было сделать вывод, что у семейства Камелиных к моей работе претензий нет. Должно быть, в случае недовольства Виктор Петрович так же молча укажет на дверь, и попробуй не успеть убраться восвояси. Радовало и то, что чаще всего его не оказывалось дома: он или пропадал на работе, или укатывал в медовый месяц с молодой женой-фотомоделью. Кстати говоря, каждый раз с разной. В общем, отношения с работодателем у меня сложились идеальные.

А с его дочерью общаться приходилось чаще. Не то чтобы она меня сильно донимала, но имела привычку вот так визжать через пару этажей из-за какой-нибудь мелочи – например, подсказать, куда она подевала темно-синюю сумку от Гуччи. Нет, не ту темно-синюю с отливом в зеленый, а темно-темно-синюю с оттенком фиолетового. И как я сразу не поняла? Дочь Виктора Камелина была очень избалованной и немного неприспособленной к жизни, но ни в коем случае ее нельзя было назвать злобной или завистливой. Обычная добродушная и легкомысленная девушка, чуть старше меня самой, у которой с самого рождения было абсолютно всё, и это не могло не отразиться на ее характере совсем, но отразилось лишь в мелочах. Она даже в адрес постоянно меняющимся мачехам ничего особенно хамского не отвешивала: позволяла папуле быть счастливым, пока он спонсировал все ее прихоти.

Я остановилась в открытом проеме ее спальни, лицезрея дочь хозяина в одном нижнем белье и роющейся в ворохе одежды.

– Да, Ангелина Викторовна, – сказала я как можно спокойнее. – Вы что-то потеряли? Опять.

– Опять? – она вынырнула из кучи шмоток. – Саш, ну почему ты похожа на старую, изъеденную молью старуху?! Даже у моей няни было не такое нравоучительное лицо!

На глупый вопрос я лишь плечами пожала, ожидая продолжения. Ангелина вскочила на ноги, ничуть не стесняясь почти полной наготы, и бросилась ко мне. Вполне возможно, с обнимашками – с ней изредка такое случается. Или собиралась о чем-то просить – с ней такое случается почти постоянно. Я на всякий случай отшатнулась и прикрылась руками, но девица остановилась в шаге от меня и затараторила сдавленно-восторженным шепотом:

– Папуля на Гаити укатил с этой… блин, как ее?

Я посмотрела на нее поверх своих рук:

– Я в курсе. С Ольгой Васильевной, вашей мачехой. Они поженились на прошлой неделе.

– Да-да! – отмахнулась Ангелина от лишней информации. Хотя я на ее месте тоже не заботилась бы тем, чтобы запоминать всех мимолетных жен отца. – И будет здесь только через три недели!

– И это я знаю. Вы к чему ведете, Ангелина Викторовна?

Она все-таки улучила подходящий момент и успела схватить меня за плечи, преданно заглядывая в глаза, а свои делая круглыми и умилительными. Зашептала еще более проникновенно:

– Сашенька, Сашулечка! А я влюбилась по гроб жизни! Хочу со своим бойфрендом тоже куда-нибудь сгонять. Ну, подальше от Гаити. Но ты же понимаешь, что будет, если папуля узнает? Он обещал очень ювелирно вырезать

яйца любому моему ухажеру!

– О да, – оторопело согласилась я. – Не пойму, при чем тут я. Бойфренда подержать?

Виктор своей любимой доченьке разрешил бы что угодно. Захочет стать поп-дивой или актрисой – профинансирует, захочет заняться бизнесом – он ей завтра же готовый бизнес и купит. Поворчит, конечно, о том, что ее прекрасным личиком лучше бы нигде не светить, но все купит и профинансирует. Единственное, в чем он ее категорически ограничивал, – романтические похождения. То есть Камелин пребывал в твердой уверенности, что его красавица и, по сути, единственный любимый человек на всем белом свете, – девственница. Вряд ли это соответствовало действительности, да и в его отсутствие Ангелина была свободна в перемещениях. Но уйти в клуб с друзьями на пять часов и улететь куда-то на пару недель с каким-то хахалем – это разные вещи. Последнее от отца не скроешь. И про ювелирную кастрацию он вряд ли преувеличил, Виктор заявлял об этом дочери так громогласно, что даже я слышала: его сокровище выйдет замуж только за самого лучшего из лучших. Видимо, ни за кого. Но это уже не мое дело.

А о моем деле Ангелина спешно сообщала, пока я вырывалась из ее захвата:

– Сашуль, ну помоги, а! Прикрой мое отсутствие! Папуля будет звонить на сотовый – я и отвечу. Но на всякий случай здесь кто-то должен быть. Повара я в отпуск отправлю, будешь доставку еды заказывать. Если еще кто объявится – по домофону ответь. Никто и не удивится, что не открываю – все папулю знают. В самом крайнем случае в окошке помельтеши. Мы же издали с тобой на одно лицо!

Здесь она здорово преувеличила. Ее нарощенные ресницы длиннее и гуще моих раза в три, а кожа настолько гладкая и идеальная, какую только в рекламах тональных средств показывают. Волосы только похожи, темные и длинные, но у Ангелины блестят идеальным шелковым полотном, залюбуешься. А я в сравнении с ней до примитива обыкновенная: волосы как волосы, черные брови с едва заметным изломом и тонкие, а не зачесанные по-модному вверх, чтобы выглядели как можно шире, глаза темно-карие в отличие от янтарных Ангелины. Хотя издали или сквозь занавески такие детали вряд ли посторонний разглядит.

Ангелина плела что-то еще: что все продумала до мелочей, что убавит звук на домофоне, что мне вообще ничего не нужно делать, кроме создания ощущения присутствия, и что – а вот на этом моменте я действительно заинтересовалась – она мне заплатит прямо сейчас круглую сумму. Она бы за такие деньги кого угодно нанять могла, но меня хорошо знала и доверяла, потому и наседала без права выбора.

Я все еще бубнила, как будто могла отказаться от предложенных денег, которые мысленно уже отправила на первый взнос за ипотеку:

– А как же охрана, Ангелина Викторовна? – я все еще цеплялась за остатки здравого смысла.

– Как раз почти все в отпуске, а у Константиныча внук родился, он попросил отгулы! Я ему отгулы на две недели дала, а сама клятвенно пообещала вызвать из отпуска Леонидыча. Что я сделать забуду – я же такая пустоголовая! – она звонко рассмеялась, будто только что пошутила. – Идеальный момент! Роман только остался, но он никогда не заходит в дом.

– А если все равно раскроют?

– Так мне же и достанется! Сашенька, ну не будет же папуля кастрировать и тебя заодно!

Я поразмыслила, хотя выбирать было не из чего. В самом крайнем случае Виктор Петрович меня вышвырнет из дома со скандалом, ему действительно будет кем заняться. А круглая сумма уже останется на моем счету. Да и так хорошо Ангелина все продумала, что провал возможен только в том случае, если ее папуля сорвется с Гаити и приедет сюда лично. Получать еду, отправлять одежду в химчистку и подобные мелочи я могу и под своей личиной, а все остальное время просто изображать, что Ангелина сидит безвылазно в доме, что с ней и раньше случалось. То есть вся моя высокооплачиваемая миссия заключалась в том, чтобы пожить пару недель в полной роскоши и ни в чем себе не отказывать, кроме перемещений. Казалось бы – просто идеальный вариант, но я долго думала и не хотела давать окончательного ответа.

Да вот только Ангелине мой окончательный ответ уже не требовался. Она таскала меня за руку по всему дому и показывала, с какого ракурса меня будут

видеть садовники, а с какого – охрана. И так сердечно благодарила, что у меня не хватило духа ее расстроить.

Ночью того же дня она переоделась в мою одежду, замотала голову абсолютно дурацкой косынкой, в которой ни она, ни я никогда не ходили, и вышла через главные ворота. Ее бы узнали уже в тот момент, если бы я предварительно не отвлекла Романа каким-то пустым поручением проверить ограду с левой стороны, а сама скептически наблюдала, как Ангелина в косынке ковыляет к воротам и сильно сутулится. Интересно, по ее мнению, я именно так и хожу? Но переигрывать было поздно, к тому же первый шаг прошел гладко.

Глава 2

Я очень напрягалась в первые два дня. Так и казалось, что вот-вот заявится какой-нибудь друг Виктора Петровича и положит начало апокалипсису. Дергалась от каждого звука с улицы, включала музыку с плейлиста Ангелины даже громче, чем это делала она. Подходила к зеркалу и тренировалась говорить в нос, немного растягивая гласные и с легким придыханием: «Простите, я не могу открыть. Папуля вернется и позвонит вам». И только на третий день я успокоилась – как-то мгновенно и окончательно. Вдруг вспомнилось, что и раньше к ним кто-то приходил редко, пару раз за все время не насчитаешь. А уж бизнес-партнеры Виктора точно знают, что тот в отъезде. Друзья Ангелины здесь вообще никогда не показывались, боясь привлечь к себе слишком пристальное внимание ревнивого родителя. По сути, она была полностью права, а это я поддавалась паранойе, – нет ни единого шанса быть раскрытой, если я только сама не начну творить глупости. Я ей звонила каждый вечер и нервно спрашивала, когда вернется. Но в действительности обеспокоить ее мне было ровным счетом нечем.

Разумеется, неприятность случилась ровно тогда, когда уже и не ожидалось. Я жила здесь неделю, почти привыкла плескаться в джакузи и к еде из японского ресторана. И даже поймала себя на мысли, что буду скучать по кровати Ангелины – сложно вообразить более комфортное место в мире. В очередной раз упав спиной с разбега на эту золотую середину между жесткостью и мягкостью, я услышала звонок. Даже не сразу сообразила, что трещит домофон. Сердце забилось от страха, я зачем-то схватила огромные, круглые темные очки,

которые держала на всякий случай на тумбе и надевала, прежде чем подойти к окну, и полетела вниз, задыхаясь от паники.

Остановилась перед домофоном, ощущая себя идиоткой в пижаме и очках, но попыталась обуздать дыхание, прежде чем нажать кнопку.

– Ангелина Викторовна! – раздался голос Романа с охраны. – Здесь спрашивают…

Я не слушала – было безразлично, кто и кого именно спрашивает. Все-таки не зря Ангелина сильно убавила звук: я кое-как слышала голос охранника, но и он мой должен слышать так же. Тем не менее все равно прижала марлю к динамику, прежде чем ответить:

– Ну Ро-о-ома, – я растянула «о» в нос. – Пусть позвонят папуле.

– Ангелина… – мне показалось, что его голос с самого начала звучал встревоженно. – Что за черт…

И вдруг я явственно услышала какие-то крики и оглушительно громкие хлопки. Даже не через домофон, а с улицы. Выстрелы? Я отшатнулась от двери и едва не упала, но вовремя развернулась и побежала на лестницу. Остановилась через две ступеньки и бросилась вниз – на кухню, там подвалы для хранения продуктов и запасной выход. От страха соображать не получалось вовсе, но и мне было понятно: снаружи происходит нечто ужасное. И, по всей видимости, не зря Виктор Каменский установил усиленную охрану… которую мы с Ангелиной свели до одного, самого непрофессионального и молодого, сотрудника.

Дверь оказалась заперта, я глупо рвала на себя ручки, но наконец-то заставила себя замереть и выдохнуть. Шагнула к стойке со всеми ключами. Вдох-выдох, вдох-выдох. Снова вернулась к двери, уже спокойнее наклонилась, однако сразу попасть в скважину трясущиеся руки не позволили. Позади громыхнуло. Дверь вынесло каким-то ударом, впуская людей – много, много людей, судя по шуму и голосам.

Я просто упала на пол и откатилась в сторону под полку с банками, зажала рот ладонью, но всё равно дышала так громко, что и за километр слышно. И воздуха не хватало. Нужно добраться до двери и все-таки попытаться вставить ключ. А потом что? Там весь двор освещен фонарями, добраться до ворот не успею. Или

успею – но только в том случае, если останусь незамеченной. Значит, надо сидеть и надеяться, что они пойдут в другом направлении, а я смогу выскочить, когда сюда никто не смотрит.

И разговоры – совсем не приглушенные, открытые – вгоняли в ужас еще сильнее:

– Здесь может быть кто-то из обслуги, Егор.

– Было бы здорово, если кто-то сообщит Камелину о нашем визите. Не придется тратить время на телефонный звонок. Где эта сучка? – он крикнул куда-то вверх. – Ребят, все шкафы осматривайте, она точно в доме.

Голос его собеседника звучал как-то совсем ненормально мягко для такой ситуации:

– Найдется. Странно, я думал, тут и ночью все забито слугами – как в лучших традициях графских поместий.

– Камелин же в отъезде, – мужчина, которого назвали Егором, говорил громче и более глубоким голосом. – А его дочери на кой хуй здесь с целой толпой жить? Ей же лет двадцать, уж наверняка хочется хоть глотка свежего воздуха. Дим, глянь сам наверху, а то мы ее сейчас будем по всем шкафам до утра гонять.

Голоса удалялись, похоже, бандиты разошлись в разных направлениях. Я выдохнула и метнулась к двери, от стресса или прилива адреналина даже страх отступил, руки дрожать перестали, но ключ в замке не провернулся. Я выдохнула, повела его в скважине, чтобы встал на место. И как раз в этот момент позади раздалось смешливое:

– Опаньки. Нашлась. Куда собралась, царская дочка?

– Я не… – мне хронически не хватало воздуха для полного вдоха. Развернулась и не сдержала нервного вскрика: – Я не Ангелина!

Передо мной стоял мужчина лет тридцати на вид, максимум. Светлоглазый, худощавый блондин, он улыбался, лишь слегка раздвинув уголки сомкнутых губ – в такой обстановке от его улыбки мороз по коже бежал. Таких, с высокими

скулами и тяжелым взглядом исподлобья, сложно назвать красавцами на любой вкус, но определенно запоминающимися. Он, склонив голову к плечу, рассматривал меня с иронией. Я тоже спонтанно глянула вниз…

Я в пижаме Ангелины – изумительный шелк. Ни за что не надела бы ее пижаму, если бы у меня была возможность сгонять в съемную квартиру и прихватить свои вещи. Ангелина же только смеялась от подобных мелочей. Теперь попробуй объяснить, откуда на уборщице такая вещица. Кое-как вспомнила, что на носу и темные очки, стоимостью в целое состояние. Понятия не имею, зачем они там. Но выглядеть должно совершенно по-идиотски. И обесценивать все мои оправдания.

К светловолосому присоединился еще один – старше и в солидном деловом костюме, что бросалось в глаза по сравнению с обычной футболкой и джинсами первого. Смуглый шатен с заметной щетиной на тяжелом, почти квадратном подбородке. Грубости его лицо лишалось лишь за счет прямого, тонкого носа и мягкого изгиба рта. Породистый в каждой детали: от костюма с иголочки до белоснежной, очень широкой улыбки.

– Егор, – первый даже не обернулся, обратившись к подошедшему. – Кажется, я ее нашел.

– Не кажется, Дим, – отозвался шатен. – Камелин пылинки с нее сдувал, ни в одном таблоиде ее рожи не высветилось, но по описанию она. Ничего такая, хорошенькая. Я ее себе немного иначе представлял.

Они обсуждали меня – или Ангелину – так, будто на каком-нибудь пляже в перерыве между коктейлями. И Дима поддакнул:

– Угу. Выглядит съедобной. Хорошо, что не в папашу физиономией пошла. Ну, – это он уже ко мне, – чего трясешься? Идем, погостишь у доброго дяденьки Егора Саныча, которого обокрал твой родственник. Где твоя обувь? Не будешь сопротивляться – нос останется целым. Ничего такой нос, ты его береги.

Он сам схватил меня за руку и потащил, на стойке в прихожей подхватил первые попавшиеся кеды, по случайности именно мои. А второй мужчина – вероятно, его начальник и «добрый дяденька Егор Саныч» – смотрел на меня с брезгливой усмешкой. Старший и крикнул остальным своим людям, чтобы дальше не искали

– они ничего не взяли из ценных вещей, даже не подошли к сейфу в гостиной, им нужна была только Ангелина.

Со мной не церемонились: грубо толкнули вперед, стянули руки веревкой за спиной, выкручивая до боли, на голову нацепили мешок. Темные очки полетели на пол и хрустнули под чьим-то ботинком. Меня потащили волоком. Я все еще пыталась сказать об ошибке, но среди шума на мой скулеж не обратили внимания, а потом меня швырнули в машину и зажали с двух сторон.

Это был как раз тот момент, когда я получила возможность высказаться и быть услышанной – и я промолчала. Вдруг со всей очевидностью дошло, что если они так обращаются с Ангелиной Камелиной, которая им нужна, например, для выкупа, то меня просто пристрелят, как ненужного свидетеля. Шансов выжить куда больше, если они будут считать меня хоть сколь-нибудь ценной персоной. Тогда пристрелят меня чуть позже, когда свяжутся с Виктором Петровичем и услышат его издевательский смех… Но позже – это намного лучше, чем прямо сейчас.

Глава 3

Не представляю Ангелину на моем месте. Если уж меня все шокировало до онемения рук и ног, то уж ей, вряд ли сталкивающейся даже с грубым или хамским отношением, наверное, вообще происходящее казалось бы невыносимым. Хотя о чем я? Невыносимым оно было и для меня.

Руки за спиной затекли и теперь отзывались ноющей болью, становящейся все сильнее от каждого нового движения. Мы ехали долго, и я не имела представления, в каком именно направлении. После остановки меня схватили за плечо клешнями и рванули наружу. Поддержали – но лишь для того, чтобы я не распласталась по земле, зато ухватили теперь за шкирку, чтобы не спотыкалась. И приговаривали, обозначая тем самым все отношение ко мне:

– Шагай, шагай давай, сука, – и через несколько шагов мужчина, торопящий меня, спросил у кого-то громче: – Дмитрий Владимирович, куда ее?

После короткой паузы тот ответил, и вновь его голос показался мне слишком спокойным и мягким для обстановки:

– Давай пока в подвал. Но, Сереж, проследи, чтобы оттуда не сиганула. Позже что-нибудь придумаем.

– Так просто не развязывать, пусть попробует сбежать, – Сережа гоготнул.

А Дмитрий Владимирович снова ответил на пределе бесконечного спокойствия:

– Можно, конечно, но недолго, а то так и до ампутации можем довести. Если уж мы решим резать ей руки, то пусть это произойдет не в результате незапланированной оплошности.

Что ж. Оказалось, что до этой минуты мне страшно и не было.

В подвале с лица наконец-то сняли мешок, я по инерции хлебнула воздуха. Сергей все-таки распоряжение услышал и привязал меня к столбу, теперь сильно ослабив веревки. Поднялся по лестнице и там же уселся прямо в проеме, закурив и явно настроившись ждать дальнейших распоряжений.

Я долго держалась – часами, думаю. Осматривалась, пыталась расслабиться и не трястись от сырой прохлады, усаживалась поудобнее. Но в итоге не выдержала и все же расплакалась. Такого в моей жизни не случалось, и уж точно на такие события спокойно можно смотреть лишь на экране в каком-нибудь блокбастере. Я хотела и спастись, и выжить, но притом очень сильно боялась издевательств и пыток – боялась так сильно, что предпочла бы лучше тогда уж не выжить, лишь бы не мучиться. От холода трясло, зубы стучали, но я все выла и выла, не в силах успокоиться и не имея возможности даже вытереть нос и лицо. А Сергей вверху никаких реплик по этому поводу не отвешивал.

Из полного, беспросветного уныния меня выдернули новые звуки – шаги. Сюда кто-то шел, потому я попыталась успокоиться и лишь шмыгала раскрасневшимся носом. Не удивилась, когда разглядела двух мужчин, которые явно в этой банде отморозков были главными.

Передо мной присел старший из них, высокий, темноволосый и широкоплечий «Егор Саныч». Он рассматривал меня пристально, но обращался притом к своему приятелю:

– Дим, я не хочу бегать за Камелиным! Пусть сам явится со своих Гаити, или пусть ему сообщат его же люди. Охранник тот, к примеру, оклемается?

– Должен, – ответил второй, всегда какой-то холодяще спокойный. – Не слыхал, чтобы люди умирали от огнестрельного в стену. Но могу завтра и узнать о состоянии его здоровья. Переспрошу, точно ли не установлены в доме камеры, а то может, он только изобразил, как пересрался?

– Нет, не надо. Если он в том состоянии обманул, то в этом мире никому нельзя верить. И он должен сообщить Камелину, если не рванул сейчас в эмиграцию. Вот тогда все и начнется, надеюсь! Хочу истерики, полной паники, а не давать руководства к конкретным действиям! – он говорил довольно эмоционально в сравнении с со своим другом или, что вернее, подчиненным. – И пока никаких условий выкупа. Пусть он себе для начала локти сгрызет!

– Без проблем, Егор, организуем. Девицу тогда лучше куда-то перетащить, а то здесь она может загнуться раньше, чем нам понадобится.

– Да и пусть загибается! – Егор встал и сплюнул в сторону. Но потом задумчиво глянул на меня сверху вниз, как на кусок дерьма или ненужную рухлядь, которую еще можно выгодно продать, но смотреть неприятно. И продолжил: – Хотя ты прав. Если сучка умрет, то ничего мы с Камелина не вытрясем, а просто месть меня не устраивает. Нет, я с него не слезу, пока он сам удавиться не захочет.

Дмитрий тоже смотрел на меня, но с равнодушием, в его взгляде даже брезгливости не наблюдалось – этому было вообще плевать.

– Все будет, но не сразу. Чистое намерение реализуется, если не вкладывать в него излишней значимости. Не суетись, Егор, и не напрягайся, и мир сам подгонит необходимое.

– Ты задолбал меня уже с этой философией! Вот увидишь – Камелин будет даже умолять, чтобы я подписал документы!

– Будет, будет, – согласился Дмитрий. – И бизнес ты его отожмешь, и на том вряд ли успокоишься. Кстати, а ты женись на ней, – он указал на меня носком ботинка, – тогда еще и единственную дочь заберешь. В таком случае Камелин и в петлю полезет. Точно. Сейчас ее нарядим в белое, чуток причешем – и айда в ЗАГС.

Егор громко и глубоко рассмеялся, поворачиваясь к лестнице наверх.

– Вот почему я согласился взять тебя на работу, Дим, хотя это было абсурдно. Из-за неизменного чувства юмора!

Дмитрий медленно обошел меня, присел сзади, разрезая веревку.

– Нет, ты взял меня на работу, потому что я уравновешиваю твои худшие качества.

Он ухватил меня за плечо и вынудил подняться. Толкнул в спину в направлении лестницы, по которой уже поднимался его босс.

– Идти сама можешь, Ангелина Викторовна? – издевательски вопрошал мне в спину. – Иди, иди тогда. Сейчас найдем тебе конуру посуше, тряпок каких накидаем, кормить даже будем. Радуйся, царевна. Не повезло тебе с родней, остается только радоваться, что при таком раскладе ты еще идти можешь. Жен его всех бывших и настоящих мы сюда пачками могли бы упаковывать – он бы и ухом не повел. Но ты это ты, я надеюсь. А иначе тебе мгновенно не из-за чего будет радоваться.

Привел он меня в маленькую комнатушку – что-то типа гардеробной или чулана. Без мебели и с окошком-щелью, но зато тепло и сухо. Потом еще ведро притащил – я понимала, для чего это ведро, поморщилась и отвела взгляд. Надо же, и в этот момент я подумала, что Ангелина бы сейчас просто об стену головой начала бы биться, а я с жуткой оторопью, но размышляю, как буду ходить по нужде в это самое ведро. Дмитрий окинул меня напоследок взглядом вскользь и молча ушел, заперев замок на три оборота.

Глава 4

Интересное дело, но с ума я не сошла. Хотя стоило бы ожидать. Наоборот, успокоилась до бесконечной усталости и принялась готовиться к любым изменениям. Отчего-то стало казаться, что все само собой рассосется – например, похитители осознают свою ошибку и отпустят меня. Или Камелин приведет сюда полицию: бандитам срок, мне – литр валерьянки. Или, самое вероятное, я проснусь в своей съемной московской квартирке в холодном поту, а через пятнадцать минут буду хохотать до колик, пока соседи не начнут в стены долбить. В любом случае все быстро наладится – быстрее, чем я сейчас могу вообразить. Ничто о том не говорило, и надежда эта выглядела пустой, но отчего-то я свято в это верила. Вероятно, потому что в любом другом случае я бы начала сходить с ума.

И ничего, что почти весь день прошел: я видела в узкое окошко, что солнце уже садится. Заодно и наблюдала за происходящим внизу. Подсобка, где меня поселили, располагалась на втором этаже – и он явно был не последним, территорию окружал высокий забор, на воротах будка охраны. Особняк по первым прикидкам совсем не уступал в размерах дому Камелина. Что же не поделили эти богачи? Дорогу в бизнесе друг другу перешли, украли идею рекламной кампании или соблазнили чью-нибудь жену? Собственно, от ответа на этот вопрос мое положение не зависело, так и незачем ломать голову. Но полезно будет запомнить: организатор этих боев без правил – Егор Александрович, как я понимаю – человек очень состоятельный, в средствах не ограниченный, солиден и привлекателен, то есть избалован возможностями. Мажор высочайшего уровня, привыкший к тому, что все при его появлении упираются лбами в пол и ждут его милости.

Такое самовосприятие нельзя рассматривать однобоко, у медалей не бывает одной стороны. Пример тех же Камелина и его дочери показывал, что при не самых простых характерах и явной пресыщенности благами, они являлись и обладателями достоинств: оба были щедры, не отличались мелочностью и придирчивостью. Виктор Петрович любит, когда перед ним лебезят, и поначалу всегда пытается морально подавить любого нового знакомого, но искреннее уважение в нем вызывают только те, кто этому давлению сопротивляется и лебезить так и не начинает. Вот такое двусмысленное отношение к людям. Ангелина же отличается легкомыслием и добродушием, свойственным только тем людям, детство которых было избавлено от проблем или невнимания. Я надеялась, что опыт общения с Камелиными поможет мне и в текущей ситуации,

если уж я нарвалась на ягоды того же поля.

Уже стемнело, когда дверной замок начали открывать. Я вскочила с пыльного пола и приготовилась к любому разговору, который успела мысленно за этот день прокрутить в голове. Вошел главный и без сопровождения. Осмотрелся, будто здесь был какой-то впечатляющий интерьер для рассматривания. Нашел выключатель, зажег свет, о котором сама я и не думала. Пристально посмотрел на меня, щурящуюся от яркости и спонтанно поправляющую дурацкую пижаму из дорогого шелка. Перевел взгляд на бутылку с водой, валяющуюся в углу.

– Не понял, тебя не кормили, что ли?

Я молча покачала головой. Егор задумчиво свел брови и шагнул ближе, я поспешила затараторить – необходимо начать хоть о чем-то болтать, чтобы изменить к себе отношение:

– Вы Егор Александрович, я правильно запомнила?

– Егор, – сухо поправил он. – С отчеством меня называют подчиненные, а по имени – друзья и враги. Называй меня Егором, сучка.

Я вздрогнула, но заставила себя продолжить:

– Хорошо, Егор. Могу ли я узнать, что тебе сделал отец, раз ты пошел на такие меры? Это не любопытство, мне лучше быть в курсе, есть ли способы эти проблемы уладить.

Он вдруг улыбнулся – почти нежно, мягко. Довольно красивый и очень презентабельный мужчина, олицетворение делового стиля – именно такой образ успешно эксплуатируют в рекламе зверски дорогих часов или безбожно элитных машин. Легкая щетина, идеально сидящий деловой костюм, темные волосы и зеленые глаза – будто все подобрано в один стиль. Вероятно, я немного просчиталась – такой экземпляр должен быть не просто избалованным мажором, а избалованным до безобразия, до извращений и цинизма. Собственно, это предположение он и подтверждал:

– Нет, дорогуша, уладить эту, – он выделил слово, – проблему нельзя так, чтобы все стало как раньше. И я не удивлюсь, если ты вообще не в курсе делишек своего отца. Даже признаю, что ты просто оказалась ровнехонько между молотом и наковальней. Но видишь ли, Ангелина, я не позволю себе проявить к тебе жалость только по той причине, что тогда не смогу вытрясти из твоего отца всю душу. Тебе не повезло – и я ничего не могу сделать с этим невезением. Но голодом морить тебя не будут, я спущусь в столовую и узнаю, почему не принесли ужин. А то смеху будет, если ты здесь банально от голода сдохнешь. О нет, если ты и сдохнешь, то точно не от голода, это как-то слишком просто.

Я в страхе округлила глаза и отступила, соображая, что еще сказать или спросить. Интуитивно мне казалось, что я выбрала верную стратегию – надо обозначить себя человеком, личностью, независимо от того, какая у меня фамилия. Придушить или выкинуть в окно намного легче незнакомку, чем человека, с которым о чем-то болтал. Потому надо говорить – можно показаться и дурой, и запуганной девчонкой, и хамкой, и невинной овечкой, лишь бы в его глазах я превратилась в человека, а не обезличенную «сучку».

– Егор, я действительно не знаю о его делишках! И мне сложно принять текущую ситуацию. Но я буду благодарна… за ужин. Есть очень хочется… хотя я так перепугалась, что только сейчас это осознала!

Он улыбнулся еще шире. Вроде бы я все делала правильно, раз он улыбается и продолжает слушать. Но зачем он наступает на меня? Я пятилась, не в силах совладать с паникой. Широкоплечий, огромный, он подавлял уже только этим. А потом и ухватил меня за талию, удерживая и не позволяя отступать дальше. Ощутила слабый запах алкоголя и испугалась еще сильнее. Может, он и не сильно пьян, но будто бы уже обозначил свои намерения, прижимая меня к стенке.

Я храбрилась из последних сил:

– Егор, отпусти, пожалуйста, ты делаешь мне больно.

Рассмеялся – глубоко, искренне. Я уже несколько раз слышала его смех, Егор умеет смеяться бархатно. Жаль, что его веселье всегда возникает в таких ситуациях, в которых ни один нормальный человек даже улыбаться не сможет.

– Больно ей, только гляньте, – он наклонился и укусил меня в плечо через ткань. Не сильно, но я вскрикнула. Снова посмотрел в глаза: – Больно? Да что ты говоришь. Я тебя сейчас сам выебу во все дыры, потом своим парням отдам – пусть хоть до утра долбят, лишь бы не померла. А утром спрошу снова – вот сейчас тебе было больно или так себе, терпимо?

Я сжалась и нервно затряслась. Говорить надо, что угодно говорить – отвлечь от этих мыслей, переключить. Но у меня будто голос пропал от страха, а в мыслях ни одной осознанной фразы не появлялось. Его руки уже скользили по гладкой ткани, сжимали плечи, возвращались на талию. И тихий смех – он вообще производил на меня парализующий эффект.

– Испугалась? Да пошутил я. Пока пошутил. Твой папаша и покажет, что с тобой делать дальше. А то и эта угроза фигней покажется, ребята тоже стресс испытали – заслужили хоть какой-то компенсации, если Камелин сольется. Но отвлечься ты мне поможешь, раз уж все равно тут по случаю оказалась. На первый раз даже выбор дам: минет или анал?

Мне все еще казалось, что он просто издевается – во взгляде это читалось. И ведь не раздевал, несмотря на слова, не рвал на мне одежду, не прижимал к себе, а будто бы просто наблюдал за реакцией. Но у меня все равно от ужаса плыло перед глазами. Я слабо отталкивала его, кривилась, а на самом деле все пыталась придумать, что же такого правильного стоит сказать, чтобы он одумался. И вдруг Егор отступил сам – со смехом отпустил меня резко, что я едва не упала, и обернулся.

Я только теперь поняла, что в комнате появился и Дмитрий. Он стоял у противоположной стены с подносом в руках, иронично изогнув бровь.

– Сорри, не хотел мешать романтике. Я тут царевне еды принес. Но если ты ее решил сначала сам накормить вкусняшкой, так ужин подождет. Ничего, если я в процессе тут постою? Весь.

Егор со смехом отмахнулся:

– Да не, у меня на Камелину не встанет, я так, чтобы жизнь случайно медом не показалась. Дим, ей лежанку какую-нибудь притаранить нужно. А лучше установи замок на гостевой комнате, пересели ее туда.

– О-о, – протянул блондин. – Решил перевести царевну в царские палаты? Не вынесла душа поэта? Я тебе сразу говорил: давай я нашей гостьей сам заниматься буду, у меня с поэзией все в порядке, ничего не дрогнет.

– Дело не в том, – Егор мельком обернулся, мазнув по мне взглядом. – Скоро она без ванной и нормального туалета здесь так вонять начнет, что и захочешь трахнуть, а побрезгуешь, – его собеседник неопределенно хмыкнул, а Егор уже направлялся на выход: – Давай потом в столовую, выпьем и обсудим дела.

Дмитрий поставил поднос прямо на пол и тоже последовал за ним. Я только к этому моменту немного отмерла и зачем-то рванула к нему, спрашивая:

– Он же пошутил? Скажите, пожалуйста, он же пошутил, что собирается меня насиловать и… всем своим людям… и…

Дима остановился и посмотрел на меня.

– Скорее всего пошутил. Реально думаешь, что ему девок любой степени элитности мало, чтобы какую-то через силу трахать, пока она будет визжать и царапаться? Хотя ты симпатичная – может, и не пошутил. Расслабься и не нагнетай: зачем напрягаться, если можно не напрягаться? Время покажет, царевна, если сама никого злить не станешь и твой папаша тебя хоть немного любит. Совсем легко ты не отделаешься, но можешь остаться почти целой.

И вышел за дверь, не забыв запереть замок. Дмитрий моложе своего шефа лет на пять, он суше и тоньше, но производит странное впечатление какой-то скрытой угрозы, его ненормальное спокойствие и некоторые фразы наталкивали на эту мысль. Если Егора стоит бояться, то этого нужно бояться в три раза сильнее.

Глава 5

Неприятности сыпались одна за другой. Будто бы злой судьбе было недостаточно малюсенькой проблемы с похищением. Я держалась из последних сил, старалась не раскисать и не поддаваться депрессии, но уже казалось, что

обстоятельства меня испытывают на прочность – и никто на моем месте долго такой проверки не выдержал бы.

После мучительного дня, жутких разговоров, дающих пищу для еще более жутких прогнозов, и почти бессонной ночи на голом матрасе меня ждал новый сюрприз. Дмитрий вошел на этот раз без подноса, скривился, глянув на ведро в углу, и молча махнул рукой, приглашая на выход. Я уже понимала, что меня переселяют в другие условия, как вчера и было оговорено, потому и засеменила вслед за ним, успевая осматриваться.

Коридор, дорогая отделка, лестница на этаж выше, как я и предполагала. Но меня вели к двери на этом же этаже, только в другом крыле. Никакой охраны или других людей я не увидела, то есть меня просто запирали на ключ и оставляли. Видимо, не опасались того, что я умею выносить пинком двери или вскрывать замки. Правильно не опасались… Однако отсутствие охраны я про себя отметила и намеревалась обдумать этот факт позже. А пока предстояли вопросы более стыдные:

– Дмитрий! – позвала я его. – Я могу к вам так обращаться?

– Можешь, – он ответил не оборачиваясь. – Мне вообще плевать, как ты ко мне будешь обращаться. Потому и не выкай, это звучит особенно нелепо.

Его холодный ответ оказался неожиданно уместным на фоне того, о чем я собиралась говорить:

– Дмитрий, у меня к вам… У меня к тебе есть просьба. Видишь ли…

Я осеклась, поскольку он остановился и толкнул дверь, широко махнул рукой приглашающим жестом, пропуская меня внутрь. Я бегло осмотрелась: здесь действительно было намного уютнее, какая-то изящная мебель, кровать, дверь в ванную. И решетки на окнах. Сомневаюсь, что они еще вчера были в гостевой комнате. Хотя откуда мне знать, как здесь к гостям относятся? Я обернулась к мужчине, вошедшему за мной следом и приподнятой светлой бровью обозначающего, что ждет продолжения.

Я невольно начала краснеть, но говорила, глядя в пол:

– У меня начались женские дни, Дмитрий. Мне нужны… средства гигиены или хоть какая-нибудь тряпка… Вы… ты должен понимать.

Наверное, он понимал, просто ему было перпендикулярно. Отчетливо говорила об этом бровь, которая так и не изменила своего положения.

– М-да. Не сексуально. Егор тебя так напугал, что ты решила на уровне физиологии отпугнуть от себя всех приматов мужского пола? Поздравляю, тебе удалось. Сейчас как представлю себя бегающим по магазинам в поисках тампонов для Камелинской дочки – либидо пол готово пробить, зато смех разбирает. Нет, родная, на подобную работу я не нанимался.

Произнесено это было на одной ноте без капли упомянутого смеха, а я едва сдержала всплеск раздражения: уж точно не следует еще и злить его, а голос прозвучал сдавленно, хотя бы от того, что мне приходилось говорить это вслух:

– Я еще меньше в восторге. Особенно от того, что приходится это объяснять. Будто мне и так мало досталось.

Он уже улыбался, смущая этим меня еще сильнее. У него на самом деле живая мимика, мгновенное переключение между полным равнодушием и веселой вовлеченностью. Быть может, просто равнодушие мнимое?

– А пока тебе ничего не досталось, царевна. Достанется еще, это как пить дать, так что прибереги потенциал истерик для более подходящего момента.

Сказав это, развернулся и ушел. Я только после этого разрешила себе сжать кулаки и провыть сквозь сжатые зубы, проклиная на этот раз саму себя. Могла бы и догадаться, что со мной здесь цацкаться не станут, зачем лишний раз унижалась? Побежала в ванную, придумала хоть какой-то способ выкрутиться. Нашла там рулон туалетной бумаги и кусок мыла. Шорты от пижамы пришлось отстирывать и вешать для просушки там же. В комнате почти не было вещей – вероятно, ничего специально не оставили, чтобы я не могла навредить себе или кому-то из похитителей. Остановила очередную волну слезливости, помылась, уместила сложенную бумагу в трусики и буквально заставила себя порадоваться: в предыдущей каморке все было бы намного хуже и позорнее. Здесь вон хоть как-то… и кровать имеется, без постельного белья и одеяла, но это уже намного удобнее, чем голый матрас на полу. Улеглась, поджала коленки

под живот и тихо, тихо заскулила, утешая или развлекая себя этим звуком.

Про завтрак и про то, что голодом меня морить не собираются, я вспомнила лишь в тот момент, когда дверь вновь открылась. Дмитрий вошел и поставил на тумбу поднос. На этот раз на тарелке лежала пара булок, а рядом стакан. Мой надзиратель выпрямился и бросил на кровать рядом со мной мягкую пачку с прокладками. Я вздрогнула от удивления, заставила себя сесть и выдавить:

– Спасибо.

– Вот за это ты мне стопудово останешься должна, – отозвался он. – Сама антисекс, и меня таким же делаешь. Ешь быстрее, я потом заберу посуду.

– Чтобы я заточку из железной миски не смастерила? – съязвила я и пересела на табурет к тумбе.

Пыталась не думать о том, в каком виде нахожусь, ведь даже шорты пришлось оставить в ванной. Меня почти ощутимо тошнило от стыда и его присутствия. Дмитрий проследил за моим движением, а потом завалился на кровать. Улегся на спину и подложил руку под голову. Я ела булки, запивала молоком и поглядывала в его сторону, заочно благодаря хотя бы за то, что не пялится.

Он говорил задумчиво, будто бы сам с собой рассуждал, хотя и обращался ко мне:

– Где же мы прокололись, Ангелина Викторовна? Тебя нет больше суток, но твой отец не орет под нашими воротами, не рвет на себе волосы и не собирает армию. Если наши люди не ошибаются, он даже со своего курорта еще не вылетел. Продолжает наслаждаться медовым месяцем. Не объяснишь такую странность? Или ему все-таки никто не доложил о произошедшем? Что же это за охранник, который первым же делом не оповестил шефа?

Я едва не подавилась булкой, закашлялась. Но за несколько секунд поняла, что этот поворот и можно использовать в свою пользу. Или хотя бы для того, чтобы прощупать почву:

– Меня это тоже удивляет, Дима, – мне очень не хотелось называть негодяя по имени, но я где-то читала, что так проще расположить к себе человека – а мне жизненно важно было его к себе расположить. – Я вообще боюсь, что отец не станет платить за меня выкуп. Он меня в свои дела не посвящал, я без понятия, что произошло между ним и Егором Александровичем. И у нас с ним не настолько теплые отношения, чтобы предсказать его реакцию на ваши требования…

Он скосил на меня взгляд и только по прищуру можно было догадаться, что он мгновенно сосредоточился:

– Продолжай.

Я кивнула. Вдруг даже задышалось легче, когда хоть какой-то план оформился:

– Конечно, перед своими друзьями и бизнес-партнерами он ведет себя иначе, вот все и думают, что он пылинки с меня сдувает. Я вообще не надеюсь, что он заплатит за меня хоть копейку. Я не сын, как видишь, то есть не предел мечтаний человека с такой индустрией. И если он даже выкуп не заплатит, то можешь себе представить, как сильно опечалит его моя смерть. Расстроится он, возможно, но не до такой степени, чтобы волосы на себе рвать.

Он смотрел на меня неотрывно, я тоже из последних сил не отводила взгляд, успевая хвалить себя за смекалку. Лишь бы теперь не струсить и не поддаться лишнему волнению. Потому отвлекалась, представляя хмурое и отстраненное лицо Виктора Петровича. Дмитрий говорил теперь медленнее, явно попутно анализируя услышанное:

– Да, так тоже бывает. И я прекрасно понимаю, к чему ты ведешь: если он откажется платить, то мстить ему через тебя – только руки пачкать. А еще ты почти открыто говоришь, что самое милое дело – тебя отпустить. Можно даже до дома не подвозить и не извиняться за доставленные неудобства. Но ты же не можешь быть настолько тупой, царевна? Во-первых, для начала нужны стопроцентные доказательства твоих предположений. А во-вторых, если ты права, то ты получаешься третьей стороной в нашем конфликте – и нет никаких гарантий, что ты тут же не полетишь в полицию. Вот папаша твой не полетит, а ты – запросто.

Я все-таки разнервничалась, голос начал слегка дрожать:

– Я прекрасно понимаю, что в полицию нет смысла обращаться, я же дочь Камелина! Все уже куплено. И у вас, и у отца. А может, он меня ненавидит до такой степени, что вы ему даже услугу окажете, если меня убьете?

– Допустим, допустим… И такое бывает, особенно в этом светском обществе, никак не привыкну, хоть и с рождения в нем. Но ты все-таки единственная наследница. Или он вечно жить собрался?

Я сделала вид, что все еще не наелась, уставилась в стену, пережевывая кусочек булки. Как по минному полю иду! Надо говорить и отвечать, все идет верно, лишь бы всеми ответами в самую точку попадать и давать исчерпывающее объяснение. Камелин в настоящей Ангелине души не чает, но сложно представить, что он собирается передавать бизнес ей. Девушка занималась чем угодно, но только не учебой и не подготовкой к наследованию финансовой империи, да еще и с криминальными прожилками. Быть может, ее отец ждал зятя? Наверняка ждал, ведь не зря Ангелину от мужского внимания оберегал. Виктору явно хотелось выдать дочь замуж за самого лучшего, и не только потому, что она его любимая доченька. Эта версия казалась самой логичной, ее я и озвучила:

– Он передаст бизнес моему мужу. Папа даже на свидания мне запрещает ходить, потому что он сам будет выбирать достойного и не позволит мне наделать ошибок. А вот в случае моей смерти ему не придется вообще ничего юридически улаживать – по завещанию отдаст любому своему подчиненному, которого посчитает самым перспективным. Может, он уже давно присмотрел кандидата из своих подчиненных? Кого-нибудь талантливого, умного и, что намного важнее, мужского пола.

Дмитрий резко сел, все так же глядя на меня:

– Допустим, и это так, – отозвался он. – Допустил бы, не иди речь о Камелине. Уверен, после того, что было, он скорее удавится, чем передаст хоть копейку кому-то левому. Таланты и ум никакой в этом роли не играют. Муж твой – еще куда ни шло, но тоже не родная кровь. А вот внук – это уже другой разговор. Вот в такие планы уже легче поверить.

Я пожала плечами. Может, и внук. Какая разница? Быстро выяснилось, что разница есть. Дмитрий встал, подхватил поднос, рассуждая на ходу и вновь начиная улыбаться:

– Сейчас вопрос в том, не вешаешь ли ты лапшу на уши. Если же нет, то надо будет сдержать Егора от поспешных решений. Это реально тупо – потрошить тебя, если твоему отцу будет плевать. А вот заделать тебе ребенка… хм, а выйдет прикольно. Ты и твои дети в любом случае наследуют хотя бы часть бизнеса, Камелин будет волосы рвать – так или иначе. Лучше бы иначе, конечно, но из любой ситуации есть несколько выходов.

– Что?! – я затряслась от услышанного и вскочила на ноги.

– Ничего, – ответил спокойно и направился к двери. – Просто рассуждаю вслух. Это же лучше, чем просто сдохнуть или быть девочкой для битья, пока не сдохнешь? Хотя мнения Егора я пока не знаю, он может и побрезговать – ведь это будет и его ребенок тоже. Да и с тобой потом всю жизнь возиться… в общем, пока писами на воде вилено. Но ты считай, что это вариант лучше.

Я не была уверена, что лучше. Хотела выкрутиться, а натолкнула его на совсем ужасную идею. И это еще при условии, что Камелин просто откажется платить, а не заявит, что я вообще к нему никакого отношения не имею. Тогда меня придушат и закопают вон в том лесу, который из окна так хорошо виден, а вспоминать будут только за то, что их бесценное время на себя потратила. Меня выдернул его голос из жутких размышлений:

– Все равно пока ничего не клеится. Потому живи и радуйся, пока живешь и имеешь возможность радоваться.

– Что у тебя там опять не клеится? – я хмурилась, глядя в пол и ища еще какие-нибудь решения.

– Маникюр твой.

– Что? – я повернула к нему голову.

– Маникюр твой не клеится, – Дмитрий стоял в дверном проеме вполоборота. – Я легко могу поверить, что твой отец тебя не любит – всякое бывает. Но вряд ли он стал бы экономить на таких мелочах.

– А… а что с ними не так?

– Все так, – он неожиданно очень тепло улыбнулся и вышел за дверь.

Я еще полчаса рассматривала свои ногти. Аккуратно подстриженные, без лака – но это же мелочи? Или не мелочи? Могут меня раскрыть только из-за отсутствия дорогого маникюра, и можно ли издалека и с уверенностью эксперта отличить дорогой маникюр от самодельного? Все полчаса я пребывала в оцепенении, забыв обо всех своих планах, а думая лишь о том, что с обычной девкой, которая всех похитителей знает в лицо, церемониться будут еще меньше, чем с дочкой ненавистного Камелина.

Интересно, кто-нибудь в истории человечества умирал только из-за того, что у него ногти были недостаточно отшлифованными?

Глава 6

Единственное, что мне стало окончательно понятно: хороших выходов из этой ситуации нет. Узнают правду – убьют на месте. И мне, далекой от криминала, известна поговорка про не живущих долго свидетелей. Не узнают – отдадут Егору Александровичу для воспроизведения наследников Камелинских капиталов. А ежели его величество побрезгует, то отдадут всем по очереди, чтобы компенсировать моральные издержки. И еще большой вопрос, в каком из этих случаев умирать я буду мучительнее.

За пару часов мне удалось успокоиться и начать хоть немного соображать. В какую бы панику я тут ни впадала, но следовало признать: пока никаким жутким истязаниям меня не подвергали, если забыть несколько первых часов. Кормят хорошо, держат в сухости и тепле. Что уж там, гостевая комната вполне уютна. Полчаса назад какой-то мужик с огромными габаритами и наиглупейшим лицом притащил махровый халат, одеяла с подушками, бросил молча на кровать и

вышел. То есть ничего хорошего со мной не происходит, но адом мое положение тоже лучше не называть, чтобы не накликать. И слишком мало информации, чтобы понять ход мыслей похитителей окончательно.

Обед мне принес тот же мужик, но на этот раз я решительно спросила:

– А Дмитрий где?

– Уехал он, – буркнул громила. – Чё те?

Он говорил очень грубо и будто нарочно сокращал слова – такую речь мне приходилось слышать в родном городе от околоподъездной шпаны. Этот явно вышел из подросткового возраста и оттого звучал еще более карикатурно. И вопрос – если не придираться к интонации – это же самый настоящий вопрос: что мне нужно. Я решила посчитать его знаком для дальнейшего общения:

– Ничего. Спасибо тебе хотела сказать. За одеяло.

– Да мне по барабану. Жри давай, через пятнадцать минут тарелки заберу.

И вышел. Вот в этом-то и крылась суть – кто именно распорядился о дополнительных вещах: Дмитрий или Егор. Егор выражался намного эмоциональнее и ругался, Дмитрий всегда был бесконечно спокоен. Но по некоторым оговоркам я могла сделать вывод, что Егор более щепетилен и в подобных мероприятиях, каковое происходит сейчас, новичок. Именно по его приказу само мое положение улучшилось, хотя на словах он только запугивал. Грязную работу, если я все правильно расслышала, берет на себя Дмитрий. И как-то легко представилось, что он и убить может, глазом не моргнув, но притом вряд ли станет грубить. Подобный характер опаснее и неприятнее. Но прокладки он мне все же принес, явно пришлось для этого куда-то съездить. Это для того, чтобы я тут все не испачкала, или признак сострадания? А грубость Егора – это признак жестокости или желание скрыть, что дальше словесных угроз он и сам идти не хочет? Мне понятно не было, и потому так было любопытно: кто из них в этот раз распорядился о моем комфорте.

К сожалению, у меня были дела важнее, чем ответ на этот вопрос. Я прощупала решетки на окне. Усмехнулась, представив, как пилю их годами пилочкой для ногтей. И через каких-нибудь тридцать лет оказываюсь на свободе. Для этого

плана не хватало только пилочки, потому я от него отказалась. В ванной окошко наверху – слишком узкое, чтобы в него протиснуться, даже если бы мне удалось туда добраться.

В двери врезной замок, который захлопывается и открывается ключом снаружи. Изнутри тоже можно открыть, если бы у меня были шпильки и соответствующие навыки. Охраны в коридоре нет. Не настолько уж я героически выгляжу, чтобы выставлять кордоны. В этом крыле, по всей видимости, вообще комнаты не заселены – создалось такое ощущение, когда меня сюда вели. Но в этом я могу сильно ошибаться.

Все же решила рискнуть. Попадусь – убьют. Но ведь меня в любом случае убьют, немногое теряю. Мужик на полдник принес мне молоко с печеньем, я занырнула за его спину к двери и успела воткнуть свернутую туалетную бумажку в щель между дверью и проемом. Он обернулся, нахмурился.

– А тебя как зовут? – не растерялась я. – Я здесь, кажется, надолго, от скуки помру, если ни с кем общаться не буду.

Он выглядел как облагороженный неандерталец – узкий лоб, маленькие глаза и широкий нос картофелиной, а костюм-тройка будто бы в этот кадр попал из другой киноленты. Само очарование. Про таких обычно думают, что они тупы как пробки, но не всегда это соответствует действительности. И желанием общаться он явно не горел:

– Отстань. Не положено.

Отрезал, так и оставив меня в неведении, что именно «не положено». А вот дверью хлопнул качественно – бумажка не помогла, и замок защелкнулся до конца. Требуется комок поплотнее, и лучше его в щель забить, чтобы не вылетел сразу. А потом еще и дверью со своей стороны чуть ударить, чтобы громила не заметил, что замок не защелкнулся – если мне так повезет, что он не защелкнется. Но для всей этой процедуры явно мало времени, пока он несет поднос до тумбы…

Ужин мне принес Дмитрий – я даже не попыталась что-то предпринять в его присутствии. Если про бугая еще теплилась надежда, то этот точно не мог быть невнимательным – лучше не рисковать.

– Все нормально? – он спросил перед тем, как уйти. Показалось, что он спешит, и зашел только глянуть, жива я тут и на месте ли.

– Да! Отец не звонил?

Мужчина ушел, не ответив, но и посуду не забрал. Значит, скоро кто-то снова придет. Я приготовилась – и на этот раз к моей удаче явился тот же неандерталец.

– У меня там унитаз засорился, – я указала на ванную. – Посмотри, пожалуйста, а то потоп устрою.

Бугай хмуро глянул на меня, помялся, но все же прошел в ванную. Я метнулась к двери, вынула приготовленную свернутую бумажку и вилку, которую только что взяла с подноса, ею будет удобнее пропихнуть дальше. Но разочарованно выдохнула – дурной план, совсем дурной. В принципе, есть мизерная вероятность, что дверь не захлопнется до конца, но для такого результата мне нужно миллион опытов провести! Да и пока пихать буду, он в любом случае заметит, а если побегу, то догонит в два гигантских прыжка.

– А чё ты тут швырнула? – поинтересовался бугай, рассматривая в унитазе засор, но явно не собираясь туда лезть руками.

– Чё-чё, – я злилась от разочарования, – чё было, то и швырнула.

Я этого не планировала, но в тот момент просто поддалась порыву – схватила поднос и медленно подошла к нему сзади, а потом с размахом ударила по затылку. Не глядя, потерял ли он сознание, выбежала и закрыла дверь в ванную. На ней замок открывается с двух сторон движением ручки, бугаю потребуется несколько секунд, если я его не вырубила, но я уже вылетела в коридор и захлопнула за собой дверь комнаты – тут он уже за мгновение не управится. Шокированная собственной смелостью, я обнаглела окончательно: воткнула вилку в скважину и попыталась ее согнуть, чтобы запросто не вылетела. Уж не знаю, насколько мне удалось сломать замок, на проверку не было времени: коридор был пуст, а внутри моей тюремной спальни взбешенное животное еще не ревело, но могло зареветь в любой момент. Если он в сознании и вилка не поможет, то уже через полминуты он меня догонит. Я не имела ни малейшего

представления, сколько времени выиграла, и, прекрасно понимая, что шансы почти нулевые, я летела босыми ногами по коридору и напоминала себе, что сейчас-то уже точно поздно останавливаться. Вероятно, именно так и проявляется состояние аффекта: человек творит то, на что никогда способен не был, не может анализировать и взывать к рассудку. И иногда такая дурость спасает, потому что является абсолютно непрогнозируемой.

Едва не пролетела лестничный пролет, затормозила, вжалась в стену, прислушиваясь. Странно, но я не пребывала в панике – сердце колотилось бешено, но мозги, наоборот, прояснились. Адреналин ударил в голову мгновенно, помогая, ориентируя и собирая меня в существо быстрое, но мыслящее.

Шума на лестнице не было, потому я осторожно пошла вниз на носочках, внимательно ловя все звуки. И как раз тогда, когда я почти добралась до первого этажа, наверху взревело, загрохотало – мой бугай или уже освободился, или был близок к тому. Я миновала еще пролет вниз – лестница вела в подвал, но и здесь мною не завладел неконтролируемый страх и не заставил бежать еще дальше, чтобы спрятаться в самую темную нору. Если останусь в доме, то у меня не будет шансов. Потому я просто прижалась к лестнице и слышала, как буквально в метре от меня проносятся наверх люди, привлеченные шумом. Неандерталец сделал мне самый большой подарок из возможных: он все внимание переключил на себя. Сейчас они добегут до комнаты, выяснят, что случилось, и понесутся обратно – уже на поиски. Потому у меня не больше полминуты.

Как только шаги на лестнице стихли, я досчитала до трех и выбежала в коридор, но в обеих его сторонах могли быть люди, потому я выбрала наименьший риск и залетела в одну из комнат с приоткрытой дверью. Осмотрелась – никого. Просто идеально, я тихо прикрыла дверь и подбежала к окну. Осторожно открыла, здесь уже никаких решеток, и выбраться наружу с первого этажа не проблема. Я ободрала ногу, спрыгнув на какие-то кусты, но внутри уже ликовала. Мне просто везло! Словно невидимая сила меня выводила из дома, помогая и направляя на самые удачные варианты.

Во дворе осмотрелась. Через забор я не перемахну, надо пробегать в ворота, но там точно охрана. Сам проезд открыт, однако вряд ли успею – поймают. Я медленно выдохнула и решилась пойти ва-банк. Собственно, на этом этапе у меня уже и не было выхода. Взяла камень, нарушив тем какую-то японскую

композицию, глубоко вдохнула. Зажмурилась на пару секунд, запоздало начиная бояться. Но как раз теперь бояться было поздно. Размахнулась и кинула камень в ближайшее окно – оно за углом, охрана просто обязана пойти и проверить источник шума. Сама пригнулась и, не давая себе ни секунды на раздумья, бросилась вперед, надеясь, что кусты скрывают мое перемещение. Разумеется, я не рассчитывала на то, что меня не догонят – догонят и очень скоро. Но если я выбегу с закрытой территории, то буквально через сто метров проездная дорога, я ее даже отсюда видела вместе с мелькающими по трассе машинами. Там мне нужно бросаться под колеса первого попавшегося автомобиля, останавливать любым способом, и вот тогда я уже определенно буду спасена.

Отчетливо видя ту самую точку невозврата, я отважилась на последний рывок. Пропустив двух охранников мимо и не задумываясь, не остался ли в будке третий, я понеслась вперед. Однако моя полоса сплошного везения иссякла чуть раньше, чем требовалось, и молниеносно сменилась на непроходимо черную. Мало того, что из будки выбежал молодой парень, я все еще надеялась как-нибудь вывернуться и не дать ему себя удержать. Но теперь стало понятно, почему проезд оказался открыт – по асфальту с тихим шорохом въезжал дорогой автомобиль, перекрывая мне путь. От отчаянья я только губу прикусила до крови и все равно попыталась прорваться: поднырнула под руку охранника, с немыслимой для себя скоростью рванула в сторону, но водитель авто уже успел сообразить и выбежать наружу. Через секунду я скулила и брыкалась в руках самого Егора Александровича. И этот гад держал крепко, будто вообще не реагировал на мои попытки вырваться.

От дома уже кричали:

– Вон она, у шефа в руках! – кто-то даже гоготал, если я правильно услышала.

– Мразота ебучая, – другому выбежавшему из дома мое путешествие не понравилось. – Перевязать ее скотчем, как куколку, и через воронку жратву заливать!

Я завизжала, перекрикивая остальные мнения на мой счет. Разумеется, это помогло еще меньше. Егор как-то неудобно вывернул меня, прижал спиной к себе и так поволок вперед, напрочь лишая возможности двигаться. И весь ужас нахлынул на меня – уже через минуту я и сама перестала извиваться, прекрасно осознавая, что подписала себе смертный приговор. И что никакой шанс не стоил того, что теперь со мной будет.

Я взмолилась – так же бездумно, как недавно рвалась к свободе:

– Не убивайте, пожалуйста! Не убивайте! Я соврала Диме – отец меня обожает, он души во мне не чает! Он заплатит за меня любой выкуп, только не трогайте, умоляю…

Егор вдруг развернул меня и поставил на землю. Все так же крепко удерживая за плечи, наклонился и заглянул в глаза. Я едва сдерживала панические слезы – перед глазами уже мелькали картины одна другой страшнее.

– Егор, я очень прошу, прости! – причитала я. – Я сглупила… Я больше так не сделаю! Пожалуйста!

Он вдруг чуть нахмурился и сказал довольно спокойно:

– Да ладно тебе трястись. Я бы тоже попытался сбежать на твоем месте. Это ж нормальное поведение нормального человека. Прекрати трястись, ты язык себе откусишь.

Меня его реакция поразила, но зубы оттого стучать не перестали. Я заглядывала в зеленые глаза, ища признаки злости или крайнего раздражения – и не могла поверить, что не вижу их. Он вдруг перехватил меня за волосы и оттянул немного, вынуждая запрокинуть голову, наклонился и прошептал в самое ухо:

– Не реви, красные носы не в моем вкусе. Начинаю думать, что Дима не такую уж абсурдную идею предлагал. Тебе же лучше, чтобы я считал тебя хорошенькой. Успокойся – не будут тебя убивать или бить. Но какое-нибудь наказание я для тебя придумаю, и оно совсем необязательно будет болезненным – это уж тебе решать. Сереж, – это он уже крикнул кому-то поверх его головы, – уведи-ка ее обратно. А Дима где?

– Дык… Вон его машина подъезжает, вы на пару минут разминулись. Это… ну, мы… Да эта стерва просто выскользнула как угорь! Извините, Егор Саныч, ну, блядь… – он говорил, перебивая самого себя, чем сильно выдавал степень отчаянья.

– Хватит, Сереж, – теперь нервно ответил Егор. – Чувствую, вы все сегодня прохватите, а у меня своих дел полно.

Теперь меня схватил тот мужик, но я успела обернуться и увидеть взгляд приближающегося Дмитрия. Он, кажется, без объяснений все понял. И лишь мельком глянул на мое лицо – показалось, что сквозь привычное равнодушие проскользнула сталь, и мне точно не понравятся его эмоции, когда я о них узнаю. Он произнес бесконечно сухо и спокойно:

– Егор, такого больше не повторится.

– Не парься, Дим. Бывает. И все хорошо, что хорошо кончается.

– Нет. У меня не бывает, – и снова мазнул взглядом по мне, будто ножом полоснул. – Такого больше не повторится.

Извиняется. Ну, как умеет. За то, что произошло, пока его не было! И как-то сразу стало понятно, что извинения эти ему поперек горла. И всем «браткам» достанется, и мне вряд ли поздоровится. Остается надеяться, что слово Егора все же окажется весомее – а он уже успел пообещать, что меня за попытку побега не убьют. Правда, сам Егор какую-то жуть в обмен потребует, но этот страх сейчас отодвинулся на второй план.

Глава 7

Я уже догадывалась, что именно попросит Егор. Уж слишком многозначительно прозвучала его фраза, а предыдущие действия наталкивали на ту же мысль. В тот момент, когда я твердо уверилась, что меня в сию же секунду убьют, любая цена казалась адекватной. Но не прошло и двух часов, как моя готовность пойти на всё снизилась до минимальной отметки. Настроение перестало колыхаться от уровня «Меня не все еще не прикончили!» до «Черт возьми, а может, лучше бы прикончили», и застыло на нулевой отметке полной апатии.

Вероятно, именно потому, что я успела убедить себя в наихудшем варианте, меня так сильно и обрадовал непредсказуемый поворот. Егор зашел в комнату

как раз через два часа, хотя была уже глубокая ночь, но ни у меня, ни у остальных домочадцев, благодаря мне, сна не было ни в одном глазу. Я поджала ноги, а он сел на край, не глядя на меня.

– Итак, – начал совсем уж спокойно, в этот момент напоминая Дмитрия. – Сейчас тебя ненавидят все мои сотрудники. А кто-то едет восвояси, больше в их услугах мы не нуждаемся.

Я едва дышала, а говорила еще тише:

– Из-за того, что я сбежала?

– Из-за того, что ты почти сбежала, – он улыбнулся. – И уж поверь, ненавидят тебя искренне и с полным осознанием.

– Похоже, все, кроме тебя.

– Дело не в том, – он развернулся ко мне полностью и посмотрел на лицо. – А в компенсации за твой косяк.

Я судорожно сглотнула. Сказать прямо, что у меня месячные? Может, побрезгует. Хотя не выйдет ли еще хуже – например, придется делать минет или что-то подобное? К счастью, я ничего не успела произнести, а Егор Александрович продолжил сам:

– Тут дело такое, что нужно твое добровольное согласие на короткое сотрудничество, Ангелина. Потому я предлагаю сделку. Завтра сюда приедет сестра, я сегодня был у нее, она просто горит желанием посмотреть на мою новую недвижимость. Приедет не одна, с детьми – уж будь уверена, что осмотрят здесь каждый уголок. В последнюю очередь мне бы хотелось, чтобы племянники обнаружили здесь тебя в роли заложницы. Подыграй в течение нескольких часов, не закатывай истерик и ничего им не объясняй, и я закрою глаза на твой побег. Разумеется, при второй попытке ты так просто не отделаешься.

Просто в голове не укладывалось, что он предлагал это взамен тем ужасам, которые я себе успела придумать. Потому и не спешила радоваться:

– Приятно удивлена, что у похитителей людей и злобных преступников тоже есть родные, мнение которых им важно.

Он улыбнулся лукаво.

– Видишь ли, я успел ими обзавестись до того, как стал похитителем и преступником. Потому не знаю правил гнобления заложников: мне тебе сначала иголки под ногти загнать, или допускается сразу попросить мне подыграть ради твоей же жизни и здоровья?

Вероятно, этой иронией он подчеркнул, что до моего случая в настолько криминальные авантюры не ввязывался. Это сильно утешало, пусть мне не повезло, но преступники ведь не сразу становятся хладнокровными циниками. Может быть, я только поэтому пока цела? Уточнила с недоверием:

– А если я откажусь?

Егор пожал плечами и встал.

– Тогда тебя завтра с утра вывезут отсюда, где-нибудь подержат до ночи. Делов-то. Потом вернут обратно. Но в том случае я накажу тебя так, как ты заслуживаешь.

– Я согласна! – быстро сообразила я. – Что от меня требуется? Просто не кричать на весь дом, что меня держат здесь силой? Я согласна!

– Я и не сомневался, – сказал он с улыбкой, уже выходя. – Завтра тебе достанут какую-нибудь футболку и джинсы, а то в пижаме ты вызовешь только любопытство.

– Хорошо, Егор. Но тогда попрошу и сообщить об этом решении своим людям… мне бы не хотелось, чтобы кто-то думал, что все-таки имеет право выместить на мне злость.

– Ты о Диме? – теперь он рассмеялся. – Ладно, скажу ему дополнительно, хотя он никогда не выходит из себя.

Я все еще помнила взгляд того, потому согласиться не могла. Но была рада, что хотя бы на этом закончился такой сложный день. И снова это странное колебание эмоций. В первую секунду я готова была рыдать, что мой побег провалился всего в шаге от свободы, во вторую секунду только радовалась, что так легко отделалась, но проходило время – и снова начинали одолевать сомнения. Само его предложение звучало несколько странно. Ведь действительно его люди могли упаковать меня в багажник машины и вывезти подальше, а к вечеру, когда сестра уедет, вернуть на место – и никаких забот. Но он зачем-то положился на мое слово – в определенной степени рискнул. Хотя и не сильно, ведь я не самоубийца. А может, это просто первый шаг к нормальному общению? Взвесив оба варианта, я все же осталась при мысли, что мне повезло.

Утром завтрак мне принес Дмитрий. Не только завтрак – он бросил на кровать и обещанную одежду. Вернулся к двери и прикрыл ее, показывая, что хочет пообщаться. Я отложила кусок хлеба с сыром на поднос, начиная сжиматься от страха.

Он толкнул меня в плечо и мгновенно навис сверху, упираясь в кровать обеими руками. Довольно интимная поза, если бы не его лицо с прищуренными глазами и сжатыми зубами.

– Ты ничего мне не сделаешь! – взвизгнула я, хотя на самом деле не была уверена в сказанном. – Егор Александрович обещал! Да, я знаю, что создала кучу проблем и кого-то даже пришлось уволить, но любой нормальный человек на моем месте попытался бы сделать то же самое! – я повторила вчерашние слова его босса. – Не трогай меня!

– А я и не трогаю. Почти, – он говорил сухо и привычно равнодушно. – Я просто смотрю на тебя и думаю.

– О чем?

– О том, что ты оказалась хитрой стервой. И чем больше поблажек получаешь, тем чаще нам эти поблажки выходят боком. Теперь мы уже на сделки идем, надо же.

– Вот именно! Отпусти!

– Разве я тебя держу?

На самом деле он меня не касался, но и деться мне было некуда – его руки по обе стороны, а лицо – в нескольких сантиметрах от моего. Светлая челка упала на лоб, делая его похожим на мальчишку. А вот взгляд – пронзающий, пристальный – мальчишке бы никак не подошел. Меня пугал этот человек, всё в нем пугало, потому я повторила – и теперь уже с мольбой:

– Отпусти, Дима. Пожалуйста.

– Да без проблем, – он не шелохнулся, несмотря на свои слова. – Вот только у меня задание – притащить нашей царевне подходящие шмотки для бала. Брал я наугад, не могу сказать точно, что подойдут. А снова показывать свою некомпетентность в работе Егору, сама понимаешь, я не стану. Хватит с меня, терпеть не могу это чувство. Потому я сейчас тебя раздену и напялю бальные шмотки, чтобы больше никаких проколов.

– Я… я сама, – ответила после короткой паузы, точно понимая, что просто так он не уйдет.

– Как скажешь, царевна, – он легко подался вперед и перекатился на спину. Подложил руки под голову и поторопил: – Давай только быстрее, у меня куча дел – ты не самый главный гемор в моей жизни.

Я встала и, отвернувшись, поспешила снять пижаму, пока сама не начала еще сильнее смущаться. Если неприятное дело надо сделать, то лучше его сделать быстро и без раздумий. Джинсы оказались из хорошо тянущейся ткани, потому облепили бедра идеально. А вот когда я, прикрывая одной рукой грудь, потянулась за футболкой, Дмитрий положил на нее руку и сжал в кулаке.

– Забыл, что тебе еще и позавтракать надо. Давай, царевна, ешь быстрее, чтобы я посуду забрал.

Я сжала челюсти, прекрасно понимая его издевательства. Он смотрел на меня, но наслаждался не моей наготой, а моим смущением. И оттого становилось еще более неловко, но я прикусила губу и села к тумбе спиной к нему, чтобы хотя бы моего лица он видеть не мог. Притом понимала, что прикажет он сейчас

развернуться к нему или сам переместится, то будет рассматривать и мои пылающие щеки, и обнаженную грудь столько, сколько ему вздумается. Потому что у меня нет никакого способа от него отделаться – разве что потом, совсем по-детски, пожаловаться на него Егору Александровичу. Последнее я пока не обдумывала, просто утешала себя такой возможностью.

И вдруг дверь резко распахнулась.

– Лиза будет часа через два, если в пробке не …

Егор вошел и осекся на полуслове, увидев меня. Я бросила бутерброд на тарелку и покраснела еще сильнее. Вопреки всем моим надеждам, он изогнул бровь, перевел взгляд на Дмитрия и совершенно веселым тоном заявил:

– Дим, ну я же просил!

– А я что делаю? – тому хватило наглости развести руками. – Надо же было узнать, правильный ли размер выбрал. Вон джинсы подошли – только глянь, у меня глаз-алмаз. Осталась футболочка, за которую продавщица "ДэГэ" стрясла с меня круглейшую сумму. Но я ведь добрая душа – решил, что царевну надо сначала накормить-напоить, а потом в платья рядить.

Егор прошел мимо меня и упал на кровать рядом. Почти так же подложил руку под голову для удобства.

– Вот в чем-то ты прав, Дим. Но зря так над нашей пленницей издеваешься. Лизка через два часа будет. А что, если Ангелина так сильно на тебя разозлится, что и о нашем договоре забудет?

– Я ведь этого и жду, Егор. Чтобы она только повод дала. Последний повод ты зверски профукал. Ты кушай, кушай, царевна. Приятного аппетита.

Мне же кусок в горло не лез. Я вскочила на ноги и встала перед ними, закрывая грудь руками. Щеки пылали, а от двух ироничных взглядов меня вообще начало мутить. Хотя, возможно, Егор смотрел и без иронии – с интересом, но кто в такой момент бы разобрал?

Дима сел и протянул мне футболку – самую обычную, на первый взгляд, светло-желтую, с принтом по воротнику. За что там круглую сумму отдавать? Я спешно натянула вещь на себя, она пришлась впору, плотно обтягивая грудь и талию. Сглотнула, но помалкивала, радуясь, что пытка закончена. Так чего они еще ждут? Разглядывают, будто я все еще голая. Я посмотрела исподлобья на Егора, он протяжно, почти стоном выдохнул:

– Ебаный Габбана… как хорошо сидит. Смотрел бы и смотрел…

Дмитрий хмыкнул, соглашаясь:

– Теперь даже не знаю, как лучше – с футболкой или без, – он резко поднялся на ноги и подмигнул. – Ладно, царевна, не злись. Не мог же я совсем проигнорировать твою выходку, характер у меня такой – неприятный.

– Я заметила, – буркнула я.

Ему, конечно, на это было плевать. Он взял поднос и пошел из комнаты, бросив на ходу:

– В следующий раз решишь бежать, сто раз подумай.

Егор тоже встал, но не спешил. Наклонился ко мне и зачем-то несколько секунд смотрел в глаза:

– Сделка в силе? Ты не станешь устраивать истерики при сестре?

– В силе. Как будто у меня есть выбор, – буркнула и ему.

– Чудно. И не злись – у тебя морщинка на переносице появляется, – он ткнул пальцем в указанное место, после чего тоже соблаговолил уйти.

Дурдом. Сборище каких-то совершенно невменяемых людей!

Глава 8

Я слышала, как въехала во двор машина. К окну не подходила, не ощущая никакого всплеска любопытства, да и вообще, честно говоря, рассчитывала, что меня трогать не будут. Но не тут-то было. Примерно через двадцать минут после приезда гостей за мной зашел Дмитрий.

– Пойдем вниз, просто поздороваешься. Это будет лучше, чем если тебя найдут Лизкины дети – потом точно задолбаешься объясняться.

«Лизкины дети» прозвучало точно как «сукины дети». Я же уточнила:

– Или задолбаешься объясняться, если меня найдут в комнате с решетками на окнах? А вот если я буду находиться постоянно под твоим контролем – и риска нет, и никаких вопросов.

– Тоже правильно, сообразительная ты моя. Идешь или тащить силой?

– Попробуй, – я ответила с вызовом, но на всякий случай шмыгнула мимо него к проходу. В спину услышала короткий смешок, однако остановилась и спросила о другом: – Как мне представиться? Может, стоит придумать имя, чтобы не возникло лишних вопросов?

Он поравнялся со мной, едва касаясь пальцами моего локтя – будто бы готовый в любой момент или схватить, или подтолкнуть в нужном направлении. Вряд ли он всерьез думал, что я прямо сейчас предприму новую попытку побега, скорее всего этот жест был рефлекторным. Ответил, когда мы уже спускались по лестнице:

– Вот уж не знаю. Егор наверняка уже тебя как-нибудь упомянул, сориентируемся по ситуации. Да и глупо выдумывать имя – Лиза хоть и намного старше, но вполне может знать тебя в лицо с какого-нибудь мероприятия. Ведь куда-то ты все равно выходила?

У меня остановилось сердце. Ангелина предпочитала отдыхать со своими молодыми приятелями и в молодежных тусовках, я это знала, но все же она могла бывать на каких-нибудь помпезных приемах или выставках… А не для того ли сестру сюда и пригласили – чтобы глянула, подтвердила или опровергла

подозрения? Но тревога прошла быстро – мы даже до второго этажа не успели дойти. Если сестра Егора выдаст меня, то я начну кричать о том, что меня здесь держат в заложницах: там уже терять будет нечего, но вдруг она поможет? Хотя надежды на это было мало, они не стали бы рисковать, если бы ни были уверены в ее лояльности к любым их действиям. Если уж у них вся многочисленная охрана в курсе криминальных делишек, то и сестренка наверняка в обморок падать не станет.

Егор и Лиза сидели в гостиной на первом этаже за огромным столом и пили чай. У меня до сих пор не было возможности оценить интерьер этого дома; единственное, что я поняла, – он новый, и многие помещения на втором этаже еще не отремонтированы. Вокруг стола бегали два мальчика приблизительно лет семи и четырех. Бегали и жутко визжали, даже старший. Брюнетка за столом на эти жуткие звуки и вихревые перемещения никакого внимания не обращала, будто бы их вообще не слышала.

– Не понимаю твоего желания уединяться, брат, – говорила она. – На работу каждый день ездить в такую даль, будто и без того мало…

Младший ребенок вдруг не вписался в очередной поворот, врезался в полку и снес с нее вазу. Та рухнула на пол с оглушительным грохотом и разлетелась на осколки. Я вскрикнула, Дмитрий скривился, зато после этого воцарилась приятная тихая пауза. Женщина обернулась к нам и изогнула идеально подведенную бровь. Ухоженная, красивая, лет сорока на вид, хотя в некоторых случаях возраст невозможно определить. Например, когда на лице ни единой морщинки – это не всегда признак молодости, иногда – пластической хирургии или очень продвинутого ухода за собой. В любом случае сестру Егора можно было назвать образцом элегантности, а их фамильная схожесть бросалась в глаза.

– Димась, ты… с девушкой? – она звонко расхохоталась. – Ничего себе, какие неожиданные повороты судьбы!

Дима вытянул ладонь, старший мальчик ударил по ней, затем младший, и оба ребенка полетели на новый круг, постепенно наращивая уровень визга. Разбитая ваза, как и осколки, вообще никого не обеспокоили.

– Она мне не девушка, – ответил Дмитрий и подтолкнул меня к столу. – Лиз, ты знакома с Ангелиной?

Лиза слегка нахмурилась, присматриваясь. Ответила неуверенно:

– Могли и видеться где угодно, а память у меня девичья, ненадежная. Ангелина, значит? Привет, а я Лиза. Итак, мальчики, рассказывайте, чья красавица? – у нее загорелись глаза, она смотрела то на Дмитрия, то на брата.

Ее явно моя персона занимала чуть меньше, чем вся ситуация – и я пока не знала, хорошо ли это. Села за стол, собираясь отмалчиваться, если получится, и изображать мирное чаепитие. Самим похитителям невыгодно акцентировать на мне свое внимание, вот пусть и выкручиваются. Ответил ей Егор довольно весело:

– Что тебе рассказывать? Не придумывай ничего, Лиз. Просто красавица, сама по себе здесь.

– Ага, – она подмигнула почему-то мне. – У вас в доме живет, ненакрашенная бегает, как у себя дома, и ты явно не горел желанием меня с ней знакомить, но точно знал, что мои пацаны до нее доберутся, потому и решил сам сдаться. Кстати говоря, пацаны! – она вдруг подняла голову вверх и повысила голос, обращаясь к детям: – У меня уши уже закладывает. Почему вы все еще здесь? У дяди Егора огромный дом – разнесите тут все к чертовой матери!

Мальчики замерли на секунду, взвыли хором восторженно и понеслись в коридор. Давление на уши действительно почти сразу ослабло. А Лиза продолжила снова спокойно:

– И если Ангелина не девушка Димаси, то методом исключения…

– Какого еще исключения? – перебил ее Егор, который уже тоже догадался, к чему она ведет. Я же вообще равнодушно насыпала сахар в чай.

– Ой, ты мне еще скажи, что разрешил девушке какого-нибудь своего сотрудника у тебя жить! – разозлилась Лиза и вперилась взглядом в меня: – Ангелина, тогда признавайся ты! Замотали меня эти партизанские войны!

– В чем именно признаваться? – я смогла ей улыбнуться, хотя и не слишком естественно.

– Невеста, или так, романтическая подруга? Или вы это еще не обсуждали?

– А-а… – протянула я, а рука с ложкой сахара застыла в воздухе. Ответила максимально честно: – Вот это мы точно не обсуждали.

– Егор! – она снова посмотрела на родственника и теперь с явной укоризной: – Ты невоспитанный, потому я буду тебя воспитывать. Вот прямо сейчас передо мной и ней отвечай – у вас все серьезно, или ты голову нам обеим морочишь?

– Уже обеим? – смеялся Егор.

Примерно в таком духе и продолжалась перепалка. Лиза наседала и требовала признаний, Егор ни в чем не признавался, но женщина и сама каким-то образом дошла до идеи, что он просто не хочет откровенничать. Я тоже ни в чем не признавалась и не отрицала, да и какая разница, что она там решит? Ну, живу я здесь, хожу ненакрашенная, никто не горел желанием меня с ней знакомить – и какие могут быть объяснения? Похитили меня! Силой заставили тут сидеть и давить из себя улыбки! А не то, что она придумала. Егор сидел напротив меня, а Дмитрий – справа. И я буквально физически чувствовала их взгляды: следят, ловят, чтобы абы чего лишнего не ляпнула.

Потому я и отвечала на вопросы Лизы односложно, выбирая слова и боясь сказать не то. Но она перебивала и атаковала меня все азартнее.

– О нет, Лиза, мы не встречаемся. Я просто…

– Любовница одноразовая? Шикарное признание! Самой не стыдно в таком статусе пребывать?

Я имела право переводить стрелки с себя на виновника этого бардака:

– Егор, будь добр, объясни Лизе, что происходит.

Но и Лиза не отставала:

– А-а, значит, стыдно? Ну, давай, Егор, объясни: ты каждую одноразовую девку в дом тащишь или только особенную привел? Димась, а ты чего ржешь? Я и тебя женю – вот только этого негодяя пристрою, и за тебя возьмусь!

«Димась» ржать перестал. Но зато решил поспешить на помощь:

– Лиз, да правда, Ангелина здесь просто гостит. А если и нарисуется романтическая история любви у них с Егором, то точно не после твоей подачи. Ты же своими наездами им всю романтику ломаешь.

– О, а ты прав, – она неожиданно успокоилась и вспомнила о печенье, которое все это время держала в руках. – Прошу прощения, больше не буду вмешиваться.

И опять зачем-то подмигнула мне. В общем, встреча прошла дебильно, но без американских горок. Я высидела с трудом час, а потом придумала предлог улизнуть:

– Лиза, у тебя очаровательные сыновья.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшую:

– Ты о ком сейчас? О моих пацанах, которые весь район в страхе держат?

Этой информации я не удивилась, но кивнула:

– Да. Я пойду, с ними пообщаюсь. И пригляжу заодно.

– А! Боишься, что дому Егора финиш? Разумно! Иди, иди, только помни – я тебя о таком не просила!

Я поднялась на второй этаж, мальчики носились по коридорам и врывались во все комнаты в хаотичном порядке. Я села на подоконник, просто наблюдая за ними со стороны – вроде и при деле, и ничем не занята, только бы не оглохнуть. Дмитрий за мной не пошел, это выглядело бы странно в глазах Лизы. Я невольно начала задумываться, что это прекрасная возможность для новой попытки

побега, но глянула в окно и тяжело вздохнула. Охрана бдит, как раньше никогда не бдила – в этом сама я и виновата.

С холеричными детьми я познакомилась, попыталась их занять чем-то другим, но они не могли долго усидеть на месте и снова начинали носиться: из коридора в коридор и по всем комнатам, иногда снося мебель. Я просто ждала, когда день закончится. Оказалось, что в доме водится и повар. Я об этом узнала, когда нас позвали на ужин. Мальчики ели секунд тридцать, а потом снова унеслись – на этот раз осматривать подвал. И я снова поспешила за ними, изображая из себя добродушную наседку с гипертрофированным чувством опеки. Но на лестнице вниз меня догнал Егор. Пришлось остановиться и уточнить:

– Я что-то делаю неправильно?

– Нет, всё прекрасно. Спасибо за это. Сестра уже собирается, скоро уедет.

– Ну и хорошо, – с облегчением сказала я. – Лучше уж в комнате от скуки умирать, чем строить из себя того, кем не являешься, и думать, не лучше ли броситься ей в ноги и взывать к милосердию.

Мы так и стояли в дверном проеме, как остановились. А внизу что-то гремело: кажется, «Лизкины дети» добрались до бутылок с вином. Егор упер руку рядом с моим плечом, не давая пройти дальше.

– Так ты в комнате умираешь от скуки?

– А ты думал, что я там развлекаюсь?

– Я придумаю что-нибудь. В благодарность за сегодняшнее.

– Лучше бы отпустил домой. В благодарность за сегодняшнее.

Он вдруг наклонился, так резко, что я, отшатнувшись, ударилась головой о косяк проема. Поцеловал, просто прижался губами к моим и так замер. Я вцепилась пальцами в его плечи, чтобы отодвинуть от себя, и в стороне я услышала:

– Вот с этого и нужно было начинать! – Лиза лишь уверилась в каких-то своих выводах. – Как будто я такая невменяемая, что сразу план свадьбы начну прописывать!

– А ты не начала? – удивленно спросил Дмитрий, оказавшийся рядом с ней.

– Иди ты, Димась! – нервно ответила Лиза и гулко позвала. – Пацаны, мы уезжаем! Ангелина, надеюсь, еще увидимся.

Пришлось ответить, не закатывать же теперь истерику:

– Я тоже надеюсь. Было приятно познакомиться.

Но она и на этом не успокоилась – вынула сотовый и попросила нас с Егором встать снова поближе. Мол, и так нечасто брата видит, поставит на заставку. Это уж совсем мне не понравилось, но я не придумала, чем отговориться. Он тоже без энтузиазма меня приобнял, натянули улыбки и устроили короткую фотосессию для озабоченной сводницы.

Когда Лиза уходила, я испытывала и облегчение, и сомнения. А может, стоило рискнуть и нарушить сделку? Интересно, если бы я ей все рассказала – вот прямо при них – то неужели она не вмешалась бы в мою судьбу? Но вдруг не вмешалась бы? Черт их знает, какие у них отношения. Да и избитой, замученной пытками жертвой я тоже не выгляжу, еще и докажи свою версию событий. Надо было об косяк заранее удариться, хоть какую-то ссадину заработать в подтверждение слов. А вот расхлебывать последствия откровенности пришлось бы однозначно, похитители так просто бы мне подобное не спустили. Я выдохнула и мысленно махнула рукой, убеждая себя, что сделала правильный выбор. На риск, оказывается, расходуется очень много энергии, я от прошлого не восстановилась.

Я стояла перед домом. Дима и Егор с обеих сторон от меня, второй еще и прощально махал рукой отъезжающей машине. И неожиданно Дима произнес привычным сухим тоном, который за сегодняшний день в присутствии Лизы ни разу не звучал:

– Прекрасно сработали. У Лизы очень, очень много подруг, это как афиши по МКАДу расклеить.

– Да, – ответил ему Егор, все так же продолжая махать, хотя уже ворота закрывались. – Лиза предсказуема донельзя. Она распространит эту информацию быстрее, чем любое СМИ. Жаль, что Лиза не узнала Ангелину, но это ничего, теперь она быстро выяснит ее фамилию. И все сразу встанет на свои места: и смущение, и нежелание афишировать – все сложится в одну картинку тайной страсти.

– Вы о чем? – не выдержала я, прекрасно понимая, что речь идет обо мне. – Какую информацию распространит Лиза?

– Что ты здесь живешь по доброй воле, – ответил мне Егор с улыбкой.

– То есть… на случай, если вас обвинят в похищении? – я все еще не понимала.

– Я сильно сомневаюсь, что до твоего отца новости так и не дошли. Но он бездействует. И да, вполне возможно, что он только рад от тебя избавиться, как ты и говорила. Но чувство собственной важности у него зашкаливающее. После того, как до него дойдет, что ты во всем этом участвовала, а теперь здесь наслаждаешься со мной жизнью, его порвет. Мы вынудим его действовать, так или иначе. А тебе спасибо, на последнем кадре мы с тобой смотрелись очень натурально.

– То есть смысл сделки был в этом обмане? И не только меня – ты и сестру свою использовал, чтобы меня выставить виноватой перед отцом?

Они со смехом развернулись к двери. Я лишь хлопала глазами. Так выходит, это я целый день изображала из себя добровольную сожительницу? Они обложили Камелина по всем фронтам. Если он дочь любит, то будет рвать на себе волосы, что она в руках какого-то его врага. Если он дочь ненавидит, то будет рвать на себе волосы из-за того, что она сейчас с врагом довольная и счастливая, а со временем может появиться и внук, наследующий его капиталы. Отличный план.

Кроме того, что я не Ангелина.

И кроме того, Лиза, радостно показывающая мою фотографию своим подругам, никак не сможет услышать от них фамилию «Камелина». Она будет просто показывать своего брата и «его девушку», лицо которой никому не известно.

Глава 9

Утром меня зачем-то вытащили из комнаты и усадили завтракать за тот же стол в гостиной. Егор сидел напротив, уже заканчивая с омлетом, а Дмитрий, подпихнув меня к свободному стулу, занял место справа.

– Какая-то новая сделка? – спросила вместо приветствия. Я была уверена, что ни для чего хорошего меня из каземата не выпустили бы. – Или мы теперь каждый день будем вместе завтракать, изображая счастливое семейство?

– Отличная идея, – протянул Дмитрий. – Вдруг папарацци нагрянут, а вы уже здесь все нужное изображаете. Предлагаю вам вообще круглосуточно за столом сидеть. Надеюсь, ты в туалет сходила – ты здесь надолго, до заката далеко.

– Что?

Я округлила глаза в ужасе, но перевела взгляд на смеющегося Егора, который и соизволил объясниться:

– Шутит он. Ты какая-то слишком впечатлительная, Ангелина.

– Меня похитили и уже несколько дней держат заложницей! Я имею право на повышенную впечатлительность!

Егор улыбнулся.

– Окей, не ори. Дим, не шути.

– Жулик, не воруй! – отозвался обвиняемый точно в тон фразой из какого-то мультика.

Но Егор только отмахнулся и продолжил:

– Просто ты вчера жаловалась на скуку. Я решил, что нет ничего плохого, если мы будем хотя бы завтракать и ужинать вместе. Нам все равно, а тебе хоть какое-то развлечение.

– Я не жаловалась!

– Кстати, да, она не жаловалась, – зачем-то подтвердил Дмитрий. – И это тоже странно. Начни уже жаловаться, телек какой-нибудь потребуй, книги там… Ты умеешь читать?

Я не успела ответить. Егор нахмурился и перебил эту тираду совсем другим, уже задумчивым тоном:

– Странно еще и то, что уже десять утра, – он поднял лицо и перевел взгляд с меня на Диму. – В смысле уже десять утра, а Лизка до сих пор не звонит со скандалом. Как это я мог – с Камелинской дочкой тайную любовь замутить? Дим, не находишь то странным?

– Нахожу, – согласился тот. – Либо Лизку подменили, либо никто из ее подруг не опознал Ангелину, – он посмотрел на мой профиль: – Какова вероятность, царевна, что ты вообще до сих пор ни разу из дома не выходила?

Я не знала, что ответить. Вероятно, на Лизу они не просто так ставили, но она показывала подругам фотографию брата и его «девушки», те просто пожимали плечами, восхищались принтом на воротнике футболки или еще какой-нибудь ерундой, кивали… и ничего важного не говорили. Имя «Ангелина» – довольно редкое, но не настолько, чтобы сразу и автоматически на единственного человека в населении планеты указывать. Я решила просто сменить тему:

– То есть вы ждете скандала, когда Лиза узнает, что я Камелина, так?

Ответил мне Егор:

– Ну… это будет довольно предсказуемо. Хотя бы для приличия сестра возмутится. В одной Москве девушек миллионы, мог же я любую другую выбрать, а не играть в тупых «Ромео и Джульетту». Женить она нас сразу перестанет, но ведь и смысл не в этом. Мне нужно, чтобы она эту новость

распространила – и тут ее реакция тоже роль сыграет, уже ее подруги разнесут. Тебе ли не знать, что в нашем обществе самые тайные новости распространяются со скоростью света? Или ты даже этого не знаешь?

Он улыбался совершенно очаровательно и отвечал подробно, потому я продолжала спрашивать:

– Зачем же ей возмущаться? Она тоже ненавидит моего отца? Что же он такого сделал?

Егор нахмурился и улыбаться перестал. Вернулся к своему омлету. Я выжидательно смотрела на него, рассчитывая, что он просто собирается с мыслями. Но через несколько минут Егор отодвинул тарелку и сказал:

– Мне в офис пора. Дадим Лизе день-другой – может, она просто сегодня решила побыть с детьми дома?

Он встал и направился на выход, на ходу натягивая пиджак. Я осмелилась спросить у Дмитрия:

– А какой у него бизнес? Или это тоже от меня нужно скрывать?

Дима дождался, когда Егор выйдет из дома, подлил себе кофе и развалился на стуле. Он говорил, не отрывая взгляда от моего лица – должно быть, улавливал все реакции и хотел удостовериться, что я в самом деле ничего не знаю.

– Небанковское финансовое посредничество.

Он ответил каким-то не самым распространенным термином, потому до меня дошло только через несколько секунд: Камелин занимался какими-то паевыми фондами, кредитными ассоциациями и прочим, и это не могло быть совпадением.

– Как и мой отец? – уточнила, уже понимая, что нащупала правильную стезю. – Так они конкуренты? Что же они не поделили, кроме рынка? Сомневаюсь, что вы похищаете детей всех своих конкурентов.

– Не похищаем, – у Димы глаза очень светлые, голубые, и взгляд выглядит холодным. А с таким прищуром – еще и угрожающим. – Да, примерно конкуренты. Кто основал фирму твоего отца, Ангелина?

Ответ на этот вопрос я не знала. Чтобы скрыть замешательство, ответила хоть что-то и не пыталась изображать уверенность:

– Он и организовал? Насколько мне известно.

– Чушь. Ты же не можешь быть такой идиоткой, чтобы даже очевидных фактов не замечать. Еще пятнадцать лет назад у него ни черта не было, самый обычный воротила с криминальными наклонностями, а сейчас он столичный финансовый гигант. Хоть какие-то два и два ты можешь свести?

Я подалась вперед, не в силах сдержать любопытства. Только после этого движения отметила, что он слегка улыбнулся, но мне некогда было на это отвлекаться:

– Ты хочешь сказать, что он получил эти капиталы каким-то обманом? И потому семья Егора его ненавидит?

– Да, это я и хочу сказать. Странно, почему ты упомянула только Егора, ну да ладно. Так ты умеешь читать? Принести тебе книги?

– Подожди! – я эмоционально схватила его за локоть, но тут же отпустила. – Прошу, да расскажи ты все!

Теперь он улыбнулся более открыто, еще сильнее откинулся на спинку стула и сложил руки на груди, говорил монотонно, наблюдая за моей реакцией:

– Виктор Камелин получил доли в паевом инвестиционном фонде обманом, шантажом и убийством минимум двух людей. Вкратце история такова: у основателя первого фонда в наличии было больное сердце и сын-балбес, который чуть ли не ногами открещивался от подобного бизнеса и никаких наклонностей к нему не проявлял, хотя в те времена об этом было рано судить. Больше для подстраховки основатель сделал партнером своего вернейшего помощника и человека, на которого всегда мог положиться. И у партнера сын

оказался не таким балбесом, старше и серьезнее – он будто бы сразу был заточен под то, что всю империю наследовать и приумножать.

– Подожди, я ничего не понимаю, – я хмурилась. – Сын-балбес?

– Да, я, – обескуражил Дима. – У меня никогда не было ни талантов, ни желания погружаться в этот финансовый рай. А тогда мне едва шестнадцать исполнилось, я буквально вообще ничего в этом не понимал и не хотел понимать. Отец это видел и принял единственное решение, обеспечив меня на всю оставшуюся жизнь. Он разделил семейное дело с родителями Егора и смирился с тем, что я буду заниматься чем-то другим, а дивиденды не позволят мне хотя бы сгинуть в нищете. Он все продумал и успел подготовить документы. Инфаркт, кстати говоря, его настиг, когда он с Камелиным отдыхал на даче. Отец в те времена его только на работу принял, думал, что криминальные связи не помешают – в крупном бизнесе с криминальными связями живется куда проще. Конечно, твоего отца в том эпизоде юридически обвинить невозможно: это был не первый инфаркт, и нельзя точно определить, сразу ли вызвали скорую или сначала подождали. До сих пор все понятно?

Я хмурилась все сильнее, но кивнула:

– Понятно, что ты подозреваешь моего отца, якобы он не оказал твоему нужную помощь. Но у него и так было больное сердце, а это только домыслы. Продолжай.

– Продолжаю, царевна. И только после его смерти я вдруг узнаю, что его партнер, отец Егора, вдруг передает все свои доли Камелину. То ли продал, то ли продался, но такого поворота не ожидал ни я, ни Егор, который к тому времени заканчивал университет и был готов для блестящего будущего. Через неделю его родители разбиваются в аварии на МКАДе. Снова причастность Камелина доказать невозможно, но уж слишком удачное совпадение.

Он сделал паузу, давая мне возможность для ответа:

– Согласна, что странно. И снова похоже на домыслы. У вас есть хоть что-то на моего отца конкретное?

– Разумеется. Уже после выяснилось, что сам перевод паев отец Егора до гибели осуществил добровольно… после того, как его дочь похитили.

– Лизу?!

– Лизу, Лизу. И с ней обращались не так, как с тобой. За два дня она такого натерпелась, что вытаскивали мы ее потом с армией психологов. Она оклемалась – столько лет прошло, да и после рождения детей сильно изменилась, успокоилась. Но вернемся к краткой биографии твоего отца: Лизка его там не видела, просто сам факт – ее похищают, выдвигают какие-то требования, после которых паи переходят к Камелину, и сразу после этого бывший партнер погибает. Сколько судов мы пережили – ты не представляешь. Но никак, никакими способами к Камелину не подберешься, да и прямых доказательств не было. Самое грандиозное, чего мы добились, – смогли разделить организацию на две, потому что иначе этот мудак смог бы постепенно отжать всё. В этом и был его план, ведь я несовершеннолетний, пришлось возиться с юристами и опекой, мы с Егором кое-как удержали хоть мою половину. Позже я вступил в наследство, а Егор занялся тем, к чему его несколько лет и готовили – собственно, мы и реализовали схему моего отца. Только с половиной его бизнеса и с легким чувством, что нас здорово поимели.

Я смотрела на него и не видела никакой нервозности или волнения от явно неприятных воспоминаний. Дмитрий всегда был таким спокойным и равнодушным или стал после тех событий? Он, не дождавшись моей реакции, продолжил:

– Я нас не обеляю, царевна. А жертвами мы были только первые пару лет. Мы тоже не всегда действовали в рамках закона и тоже много чего Камелину сделали, но подобраться к нему слишком близко так и не смогли. И тут за покером один приятель заявляет, что Камелин со своей дочери пылинки сдувает и любого за нее убьет. Вот так мы и подошли к мысли о тебе. Сделать то же, что когда-то сделал он, но только для восстановления справедливости. Егору, конечно, все это поперек горла, он не этому в своих университетах обучался, но и убедить его было не так сложно. Теперь скажи, что ты обо всем этом думаешь. Имели мы право не пытаться проработать вариант?

Мне не нужно было тратить время на размышления над его вопросом:

– Думаю, что даже если все ваши подозрения – чистая правда, то я здесь ни при чем. Я не присутствовала при этих интригах, никого не убивала и не знала о таких делишках, а в те времена я вообще ребенком была. Если вы причините мне зло, то окажетесь точно такими же отморозками как тот, кого вы ненавидите. Или вы все-таки просто меня запугивали? Это помогло бы вам достичь цели. Я склоняюсь к этой версии: Егор только в первый день психовал, будто сам себя подбадривал, но он почти сразу начал относиться ко мне мягче. По поводу тебя у меня больше сомнений… Так получается, это ты здесь главный, а притворялся подчиненным?

– Не притворялся. Главный – Егор. Без него вообще всё давно развалилось бы. А я, как и планировалось, живу на дивиденды. Ну и заведую службой безопасности, чтобы хоть чем-то оправдать свое участие. И на какой еще работе я бы так славно реализовывал свою страсть бить людей по лицу ногами?

Я понадеялась, что он шутит. В любом случае переспрашивать не торопилась, чтобы случайно не перестать надеяться.

– Понятно. Что ж, спасибо за откровенность. История очень печальная, я даже не представляю, что вы, все трое, пережили в те годы, будучи еще совсем молодыми. Но и ты понимаешь, что ваше право на месть не может затрагивать других людей. Как Камелин поступил с Лизой, так же бесчестно поступаете и вы. Неужели вообще ничего внутри не свербит?

Он промолчал – это и было ответом. Кстати говоря, разговор оказался более чем полезным. Теперь мне все стало понятнее. Дима – спокойно-уравновешенный маньяк, но Егор – другое дело. Он бесится из-за Камелина, но на убийство невинной вряд ли пойдет. И теперь стало окончательно очевидны все его угрозы – он лишь поддерживал меня в нужной кондиции, чтобы при появлении «папули» я выглядела испуганной и забитой овечкой для правдоподобности. Следовательно, разговоры о моем освобождении нужно вести именно с Егором, а не этим равнодушным циником.

Закончив с завтраком, я встала.

– Дима, все же принеси мне книг, если не сложно. Я умираю от скуки.

– Кама-сутру?

– Да хоть и ее. Я уже устала считать квадратики на потолке.

– Кама-сутру лучше на примере показывать, чем читать, царевна, – на его лице уже снова проблескивала едва заметная улыбка.

– Тогда буду рада детективам. Благодарю, Дима, в кои-то веки я действительно рада разговору с тобой.

Я направилась к выходу, ожидая, что Дмитрий пойдет за мной. Но он окликнул:

– Ангелина, стой. Ты Ангелина?

Я медленно развернулась к нему:

– Что, прости?

– Ты меня слышала. Сегодня я почти уверен, что мы ошиблись. Не знаю, кто ты и что делала в доме Камелиных, но, похоже, мы ошиблись.

Разрывающее противоречивостью чувство. Меня скоро раскроют так или иначе, но на фоне новой информации появилась надежда, что с Егором диалог вести вполне можно: у него хотя бы потенциально есть сострадание. С этим же хладнокровным змеем лучше не рисковать. Следовательно, лучше дождаться вечера и за это время хорошенько продумать, что говорить. Если скажу Егору правду, то он разозлится, взбесится, но есть хоть шанс докричаться до его совести. А вот Дмитрий до вечера со мной многое успеет сделать, раз уже терять нечего.

– Это тебя мой маникюр на такую мысль натолкнул? – попыталась отшутиться я.

Он оставался серьезным, и именно это пугало сильнее:

– Уже кроме маникюра десяток пунктов набрался. И тогда молчание Лизы понятно – никто твоего лица не знает, фамилии Камелиных просто неоткуда всплыть. Остальные пункты уже так точно не опишешь, но весь твой характер, все твое поведение не вяжется с тем, что мы ожидали. Конечно, дочки богатых

папаш и не обязаны быть одинаковыми, но в тебе что-то принципиально не так.

– Дим, – я постаралась говорить как можно мягче и с легкой иронией. – Замечаешь, ты очень часто оперируешь недоказуемыми домыслами? Но, видимо, себя уже убедил. Интересно, а что бы случилось с девушкой, если бы ее приняли за меня случайно? Отпустили бы или убрали как ненужного свидетеля?

Он все-таки улыбнулся – точнее растянул губы, но улыбка не затронула глаз, он все еще ловил на моем лице любые признаки фальши.

– Егор бы некоторое время мучился, а потом предложил бы отпустить. Купить очень приличной суммой твое молчание.

– Ее молчание – не мое, – поправила я. – Мы ведь говорим о гипотетической девушке. Подозреваю, что тебя этот вариант бы не устроил?

– Нет. Все беды в нашей жизни случились только из-за того, что мы или наши родители слишком доверяли другим людям, по умолчанию считали их порядочными или хотя бы такими, с кем можно договориться. Но жизнь строится по другим правилам. Отпусти мы тебя с круглой суммой, то через год или два – как раз тогда, когда сумма закончится, мы вновь увидим тебя на пороге. Дело даже не в том, что ты сейчас способна на шантаж – как раз нет. Ты станешь на него способна через год или два очень приятной и нетрудозатратной жизни, но к тому времени все эти стрессы сильно забудутся. И в том, что Егор скорее заплатит, чем убьет, ты уже будешь уверена. В итоге ты и станешь проблемой. Ой, извини, она, а не ты. Та самая гипотетическая девушка.

Он издевался, а я покрылась холодным потом. Надеялась только, что голос мой волнения не выдает:

– И что, ты убил бы человека? Просто чтобы решить одну свою проблему, к которой тот человек не имеет отношения? Неужели затянувшаяся война с моим отцом сделала из тебя его?

Дмитрий встал, подошел почти вплотную, насладился моим напряжением и махнул рукой в сторону коридора – мол, иди, провожу. И продолжил уже на ходу:

– Скорее всего. Но только в том случае, если бы другие варианты не сработали. Например, если нет никакого способа сделать тебя своей союзницей… Я даже не знаю. Сложно придумать выход, в котором лично я был бы уверен, что ты не воткнешь нож в спину.

– Как же хорошо, что я Ангелина! – искренне выдохнула я.

– Просто великолепно. Я, знаешь ли, тоже не горю желанием кого-то убивать. Особенно тех, на ком футболки сидят лучше, чем на манекене.

Я с мысли не сбилась, пытаясь выкроить из этого важного разговора еще хоть каплю пользы:

– Еще один вопрос напоследок. Если у тебя и Егора расходятся мнения по какому-то пункту, то чья точка зрения обычно побеждает?

Он рассмеялся, прекрасно понимая причину моего интереса, но скрыть ее совсем я была не в силах.

– По-разному бывает. Но в твоем случае я уступать не намерен. Мы давно с ним стали союзниками и друзьями, ближе у нас никого нет. И именно ради него я обязан довести дело до конца – с тобой, с твоей помощью или без тебя, это уже не так важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlova_tal-yana/dva-polcarstva

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити